

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИЗ АРХИВА

В. Г. БОГОРАЗ

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ

КУРС ЛЕКЦИЙ 1927–1928

Владимир Германович Тан-Богораз
Эволюция религиозных
верований. Курс
лекций (1927–1928)
Серия «Из архива (СПбГУ)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54887317

*Эволюция религиозных верований. Курс лекций (1927–1928): Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-288-06009-0*

Аннотация

Первое издание вышло в 2019 г. при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ). Книга представляет собой расшифрованную стенограмму курса лекций «Эволюция религиозных верований», который выдающийся отечественный этнограф и историк религии Владимир Германович Богораз (1865–1936) читал на отделении этнографии географического факультета Ленинградского университета в 1927/1928 учебном году.

Для специалистов в области религиоведения, а также для всех, кто интересуется историей религии и историей ее изучения в России.

Содержание

От составителя	7
Лекция первая. 20/X 1927 г.	13
Лекция вторая. 27/X 1927 г.	52
Лекция третья. 3/XI 1927 г.	86
Тезисы	86
Лекция четвертая. 10/XI 1927 г.	123
Лекция пятая. 17/XI 1927 г.	157
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Владимир Тан-Богораз

Эволюция религиозных верований. Курс лекций (1927–1928)

© Санкт-Петербургский государственный университет,
2020

© М. М. Шахнович, сост., предисл., примеч, 2019

*** * ***

Владимир Германович Богораз (Из фондов Государственного музея истории религии)

От составителя

В июне 2019 г. в Тартуском университете (Эстония) проходил очередной ежегодный конгресс Европейской ассоциации исследователей религии (EASR), собравший несколько сотен ученых из разных стран. Среди большого числа лекций, секционных заседаний, круглых столов особый интерес вызвала секция «Эволюция религии». Большая аудитория не могла вместить всех желающих. Слушая докладчиков и участников дискуссии, я думала в очередной раз про справедливость тезиса о поступательном развитии науки: абсолютная идея, действительно, за сто лет совершила полный круг. Когда в очередной раз с трибуны прозвучали слова о развитии сознания, о мышлении и языке, о необходимости объяснения причин перехода от анимизма к политеизму, от духов – к «большим богам», мне показалось что в первом ряду университетского амфитеатра среди седовласых профессоров сидят Лев Яковлевич Штернберг и Владимир Германович Богораз. Их научные труды вновь оказались на самом переднем крае науки о религии.

В 1925–1927 гг. на этнографическом отделении географического факультета Ленинградского университета профессор Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) читал курс лекций под названием «Эволюция религиозных верований». После смерти ученого, его вдова Сара Аркадьевна Рат-

нер-Штернберг подготовила к печати написанный Львом Яковлевичем текст лекций, и в 1936 году они были опубликованы в сборнике его трудов «Первобытная религия в свете этнографии»¹.

В 1927/1928 учебном году лекции по курсу «Эволюция религиозных верований» стал читать Владимир Германович Богораз (1865–1936). В этой книге, которую вы держите в руках, они опубликованы.

В отличие от курса лекций Л. Я. Штернберга, написанных и отредактированных автором, эта книга представляет запись живой речи В. Г. Богораза. Текст сохранил языковые особенности, отличавшие речь Владимира Германовича, своеобразие ее стиля, его любимые словечки, шутки, манеру обращения. Лекции очень полемичны: в них автор спорит с российскими и зарубежными исследователями, в том числе и со Штернбергом. При подготовке курса Владимир Германович опирался на свои полевые наблюдения, использовал материал, опубликованный в книге о религии чукчей (тогда еще не изданной в русском переводе), а также в работах «Эйнштейн и религия», «Христианство в свете этнографии», «Распространение культуры на земле. Основы этнографии», «К вопросу о графическом методе анализа элементов этнографии и этногеографии» и др. Есть еще одна черта, отличающая лекции В. Г. Богораза, – обилие ссылок

¹ Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии / под ред. и с предисл. Я. П. Алькора. Л., 1936.

на художественные произведения. Он сам был писателем и поэтом, поэтому своим студентам он читал стихи, приводил цитаты из сочинений русских и зарубежных авторов.

В тот год, когда В. Г. Богораз читал курс лекций «Эволюция религиозных верований», вышла из печати его книга «Христианство в свете этнографии», и, естественно, работа над ней оказала на содержание лекций большое влияние. Эта работа включала ряд этюдов, посвященных главным образом сравнительному изучению христианских представлений и обрядов. Богораз выделял в христианстве древние элементы, которые связывали его не только с религиями древнего мира, но и с первобытными обрядами и представлениями. В изложении вопросов истории так называемых высших религий публикация не была свободна от особенностей, характерных для отечественной гуманитарной и социальной науки 1920-х гг.

Книга «Христианство в свете этнографии» была второй частью обширного задуманного В. Г. Богоразом исследования «Религия в свете этнографии». Первую часть этого труда Владимир Германович собирался написать на основе материалов подготовленных им лекций по эволюции религиозных верований; в книге этнографические корни религии должны были быть показаны от возникновения религиозных верований до появления иудаизма и христианства.

В. Г. Богораз не успел переработать свои университетские

лекции в книгу, хотя сохранился набросок ее плана². Книга должна была содержать введение, четыре больших главы и заключение. Во «Введении» Владимир Германович хотел изложить «элементы религиозных верований, объем и состав религии, определение религии, характеристику главнейших направлений современной науки изучения религии, древность религии». В первой главе «Доанимистические воззрения» предполагалось изложить «олицетворение (начатки так называемого фетишизма)», «магию» и «первобытные космогонии». Вторую главу «Анимизм» автор планировал посвятить «тотемизму, шаманству, анимизму». В третьей главе «Политеизм» должно было говориться о «жречестве (образовании классов жрецов в связи с зарождением классов в обществе), духов, развитии анимизма, пантеоне». В четвертой главе «Так называемые высшие религии» – об образовании мировых религий, этнографическом составе «высших» религий, элементах предшествующих степеней развития, методах развития религии». Заключение должно было называться «Настоящее и будущее религий»³.

В 2018 г. в рамках работы над научным проектом по истории российского религиоведения в издательстве Санкт-Петербургского государственного университета вышли в свет

² СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.

³ *Шахнович М. И.* В. Г. Богораз – историк религии // Из архива. Избранные труды В. Г. Богораз по шаманству (1934–1936 гг.) / подгот. М. М. Шахнович, Е. А. Терюковой; предисл. и примеч. М. М. Шахнович. СПб., 2018. С. 30–31.

ранее не публиковавшиеся труды исследователей религии, написанные в 1930-х гг.: «Из архива. Избранные труды В. Г. Богораза по шаманству (1934–1936 гг.)»⁴ и «Из архива. Труды по мифологии и фольклору (1934–1937 гг.)»⁵. Выход в свет этих книг стал возможен благодаря поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX в.».

Продолжая издание неопубликованных рукописей создателей Петербургской/Ленинградской школы истории религии, мы помещаем в этой книге расшифрованную стенограмму курса лекций «Эволюция религиозных верований». Рукопись, по которой выполнена публикация, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 140. Л. 3–513). Рукопись представляет собой машинописный текст с рукописными пометами.

Все архивные тексты, опубликованные в данной книге, воспроизводятся с сохранением стилистических и языковых особенностей оригинала. О том, что В. Г. Богораз читал расшифровку стенограммы, мы можем судить по пометам на

⁴ Из архива. Избранные труды В. Г. Богораза по шаманству (1934–1936 гг.) / подгот. М. М. Шахнович, Е. А. Терюковой; предисл. и примеч. М. М. Шахнович. СПб., 2018.

⁵ Из архива. Труды по мифологии и фольклору (1934–1937 гг.) / сост., подгот., предисл. и примеч. М. М. Шахнович. СПб., 2018.

полях, сделанным его рукой.

При подготовке этих материалов к печати мы отказались от идеи переоформить их библиографический аппарат согласно современным правилам, поэтому все сноски в архивных текстах книги представлены так, как они зафиксированы в рукописи. Необходимые вставки внутри авторского текста, включая добавленные составителем сноски, даны в квадратных скобках; а примечания составителя помечены соответствующим образом.

Набор текстов с оригиналов выполнен А. Д. Беловой и В. В. Хориной.

Выражаю свою благодарность сотрудникам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, директору архива Ирине Владимировне Тункиной; заведующей читальным залом и отделом информационного обеспечения Елене Николаевне Груздевой, старшему научному сотруднику Наталье Сергеевне Прохоренко за помощь при работе с архивными материалами.

М. М. Шахнович

Лекция первая. 20/X 1927 г.

Курс наш называется «Эволюция религиозных верований».

Эволюция методов, эволюция элементов означает развитие. Значит, нам надо изложить развитие верований от самых первобытных к менее первобытным по стадиям развития первобытных религий и указать потом переход от религии низшей к так называемой религии высшей, которая тоже имеет несколько стадий. Итак, мы будем заниматься исследованием эволюции религиозных верований.

Прежде чем идти вперед, надо дать некоторое определение – терминологию. Есть религиозные верования, и есть религия, и это надо с самого начала разграничить. Кроме религии есть церковь, и это надо тоже разграничить, потому что религия и церковь постоянно смешиваются. Например, христианская религия и христианская церковь, говорится «религия», говорится и «церковь». Итак, вопросы: Что такое религия? Что такое религиозные верования? Что такое церковь?

Религия есть система религиозных верований, это есть организованная система. Поэтому, когда мы говорим, что мы будем заниматься религиозными верованиями, значит, мы будем заниматься религиозными верованиями еще в той стадии, когда они находятся вне определенной системы, ибо ни-

какое явление духовной культуры, социальной культуры, не является сразу организованным. Это первое отличие. Второе – следующее: понятие «религиозные верования» с «религией» не совпадает, «религия» шире. Теперь мы имеем религию организованную, в которую древние религиозные верования входят как элементы. Религиозные верования, это есть элементы религии, это тот материал, из которого религия организуется как система. Самый яркий пример такой, что если мы возьмем православную церковь, христианскую религию, то сюда входят в том числе элементы древнего язычества, древнего анимизма, и входят как неразрывное целое. Если мы возьмем поклонение святым у православных, то это, несомненно, элемент ранних религиозных верований – это поклонение местным духам-хозяевам. Точно так же и злые духи получили отображение в христианстве как «граждане преисподней». Это, действительно, древние элементы, которые вошли в систему христианской религии.

Что касается церкви, то это есть организация социально-религиозная. В этом отношении я укажу только на одно типичное различие. Возьмите христианскую церковь и религию. Христианская религия, несомненно, существует, а христианская церковь не существует, потому что христианство распалось на отдельные части, и каждая часть имеет свою собственную церковь. Есть христианские церкви, а христианская религия есть одна. Церкви есть: католическая, православная, лютеранская, кальвинистская и т. д. и т. д. Прав-

да, можно и для религии сказать так, что есть католическая религия, католическая форма христианской религии, православная форма и т. д. Но тут мы отмечаем общее для этих религий – христианское верование. А для организаций надо подчеркнуть различие, а не единство.

Мы будем изучать следующие элементы религиозных верований: шаманство, магию; будем изучать материальные элементы религии: амулеты, фетиши, потом будем изучать цикл религиозно-трудовых процессов, т. к. одни силы надвигаются на другие и составляют циклические надстройки; далее будем изучать образование новейших религий, в частности пантеон в системе религий. Пантеон это есть группа богов, которые формально находятся в центре религиозных верований, а других мелких богов они подчинили себе. Я укажу, например, на греческий политеизм, греческое многобожие. Центральная группа богов, это Зевс с его братом Посейдоном и Гадесом. Эта система богов – пантеон – называется так от греческого слова «пан», что значит – все, и «теос» – бог, т. е. «всебожие», или центральная группа богов. Такой пантеон есть во всех религиях. В христианской религии, конечно, тоже есть такой же центральный пантеон. Это группа Ягве, Йеговы, отчасти семейная, отчасти триадная: бог-отец, бог-сын и бог-дух святой, и еще введена в виде члена богородица. Это, конечно, такая же самая группа – семейная триадная и такая же центральная, как и во всех других религиях. Пантеон в христианстве – это пантеон триад-

ный – троица.

Кроме того, мы должны изучить религию этнографически и географически. Первобытный человек имеет представление о вселенной насквозь космогенное. Это одна из наиболее любопытных частей религии, особенно для этнографа. В представлении первобытного человека мир, окружающий нас, в котором мы живем, земля, небо и подземный мир, они разделены; небо делится на столько-то ярусов, подземный мир тоже делится на столько-то ярусов. Кто там живет? Покойники, злые духи, добрые духи. Мы будем изучать, что это за духи. Так как у первобытного человека представление о космогонии и о частях мира весьма баснословное, то у него постоянно смешиваются понятия. Племенам духов он противопоставляет группы, живущие где-то на окраинах мира, а также и такие, которые живут на небесах, и другие, которые живут под землей. Эти духи – покойники и живые – у него постоянно смешиваются. Возьмем, например, у Гомера – циклопы. Это баснословные великаны, которые обитали где-то к западу от Трои, где-то в области Италии. В описании циклопов мы имеем подход этнографический: они людоеды, живут в пещерах, занимаются овцеводством и т. д. С другой стороны, они дети бога Посейдона и обладают бессмертием. Такое же представление о людях-великанах есть у чукчей, гиляков, эскимосов и самоедов. Мы должны будем подводить под эти представления анализ и отделять элементы этнографические или географические от элементов ми-

фологических и религиозных.

Дальше мы должны изучить процесс образования высших религий. Затем вопрос о косности в религии и революции в религии. С одной стороны, религиозные явления отличаются наибольшим консерватизмом и косностью вплоть до рясы, которую носят священники и которая является сирийской одеждой, и до латинского языка, который живет в католической церкви, славянского языка в православной церкви и древнееврейского в иудаизме. Консерватизм постоянно сплетается с революцией. Новые религии всегда возникают в виде революции, и обычно новая религия всегда подавляет старую. Революционные пороги не только политически революционны, они глубже. Христианская религия, которая заменила еврейскую, является одним из порогов. Точно так же возьмите вопрос об отмене язычества и введении христианства. Для древней, языческой Руси введение христианства было порогом. Нам нужно будет с вами проанализировать элементы консервативные и элементы революционные в религии. Причем, как вы увидите из дальнейшего изложения, наш подход будет не только подходом социологическим, но будет подходом социально-психологическим. Общественная психология в прошлом отодвигалась на задний план, а теперь выдвигается вперед. Возьмите хотя бы переход древних франков в VI веке при Меровингах и славян при Владимире от язычества к христианству, и представьте себе тогдашний языческий народ, всю социальную надстройку. Это бы-

ли язычники, шаманисты. Какой силой заставили их шаманство отбросить и взять еще большее шаманство, потому что христианство им представлялось тоже как шаманство. Владимир и его дружина сбросили старых идолов, но силой не могли заставить народ окончательно отречься от своих свя-
тых. Этот процесс общественной психологии нам надо будет проанализировать. Старый языческий Перун, сброшенный с места, нисколько не умирал, а продолжал жить в том же самом христианстве. Этот момент надо будет проанализировать и уловить его общественно-психологическую сущность.

Затем я пользуюсь этой лекцией в виде введения, чтобы указать вам, что я постараюсь, насколько это возможно, построить свой курс религии не только на первобытных примерах, т. е. на чукчах, коряках и эскимосах, но хочу ввести в свой анализ элементы российских религиозных верований, первобытные элементы, которые есть в православной религии, остатки прежних языческих верований. Я буду цитировать фольклор не только туземцев, но и русских, поскольку он доступен.

Кроме этого, нужно будет в развитии религии, и именно в развитии высшей религии, подчеркнуть и другие не менее любопытные элементы. Кроме вопроса о революции и консерватизме (это момент социологический), придется ввести и момент психологический в развитии религии, это момент стилизации. Религия развивается таким образом, что старые элементы начинают преображаться, поскольку теряют свою

прежнюю сущность и начинают приобретать какие-то новые формы. Для того чтобы вы поняли, что такое стилизация и символизация, приведу несколько примеров. Жертвоприношения – когда-то это были кровавые жертвы, которых убивали богам. Каждый охотник приносил жертву богу и убивал животных. Я думаю, вы помните из Библии, когда вели овна на заклание и т. д. Это были кровавые приношения. По мере того как еврейская религия начинает развиваться, жертвоприношения кровавые медленно начинают отступать на задний план, человеческие жертвоприношения заменяются жертвоприношениями животных, как известно из истории с Исааком, Авраамом и овном. Потом и кровавые жертвоприношения животных отступают. Бог говорит: надоели мне ваши жертвы, обратите лучше ваши сердца к богу и приносите не кровь и мясо, а ваши помыслы и добрые дела; убивайте меньше животных, а не обижайте вдов и сирот. Это одна стилизация. Рядом с этим идет стилизация другая. Кровавые жертвы подменяют, и вместо них появляется курение ладана, благовонные масла и т. д. В христианской церкви и до сих пор это сохранилось. Вот вам линия стилизации: от человеческих жертвоприношений к жертвоприношениям животных; затем от мяса переход к разным курениям и потом дальнейший переход от жертвоприношений к молитвам и добрым делам и т. д. Эту стилизацию нам предстоит развернуть довольно широко.

Возьмем другую чрезвычайно интересную стилизацию –

мифологическую. «Песнь песней». Кто ее читал, тот, вероятно, знает, что это не что иное, как любовная эпопея, песнь любви не только брачной, но и внебрачной. Между тем эта книга попала каким-то чудом в Священное писание и трактуется сторонниками единобожия, еврейской и христианской церковью стилистически, что это есть союз любви с богом – в еврействе и союз с Христом – в христианстве. Суламифь – любовница Соломона, трактуется как прообраз церкви. Это стилизация чрезвычайно яркая. Мы видим, таким образом, что стилизация, несмотря на разногласия, проводится в религии от начальных древних форм до современных. Надо уяснить, что значит процесс стилизации, и одновременно, что значит процесс формирования пережитков в религии. Пережитков в религии очень много, и они гораздо более устойчивы, гораздо более цепки, чем пережитки социологические или пережитки материальной культуры.

Наконец, в дальнейшем нам придется выделить еще два элемента, не менее любопытных, но и не менее примитивных, – это классовые элементы в религии. Класс жрецов надо будет проанализировать от начала до современных типов, вплоть до христианских жрецов культа.

Затем, диалектический подход к религии. Ввести только материалистический и экономический подходы в изучение религии недостаточно, необходим диалектический метод, и я буду стараться ввести его в анализ религиозных верований. Я не буду объяснять, что такое диалектический метод,

но укажу один чрезвычайно красочный пример диалектики в религии. Божба. В божбе, которая имеет дело с богом, берутся элементы божественные, и эти элементы порочат и топчут в грязь, применяют их для самой безобразной и низкой ругани. Причем встречается это решительно везде, у всех европейских народов: от Италии, Франции и Англии, до восточной Европы, а также и у многих первобытных народов тоже встречаем божбу, только там она другого характера. Мы упоминаем веру, кровь и крест. Английское слово: «damn» – «проклятие», заменяется словом «darn» – «штопать», и тоже считается неприличным. «Blood» – «кровь», заменяется словом «bloom» – «цветок», получающим неприличное значение. Все это идет по пути стилизации, по пути раздвоения. Это пример диалектики в религии. Другой пример из материальной части духовной культуры. В Южной Америке есть два племени: *хиваро*, которые носят амулеты из головы человека, причем кости выбрасываются, а кожу и мясо высушивают и, таким образом, получается маленькая человеческая голова, которая является амулетом. Рядом же с этим племенем есть племя *мондруки*, у них тоже голова покойника служит амулетом, но тут мясо выбрасывают, а из кости делают амулет. Это несомненная антиномия, и похожие примеры встречаются во множестве религий. Возьмем, например, череп Святослава, из которого печенегии сделали чашу, и американские скальпы, которые являются как раз противоположностью. Там выбрасывают кожу, а здесь даже с живого

человека можно снять скальп, кости не нужны, срезают кожу вместе с мясом. Такими примерами развитие религии полно вплоть до современности. Взять хотя бы дуалистические элементы в космогонии: Сатаниил и бог; черная и белая магия и т. д. Если мы возьмем современную постройку космогонную христианскую, то там мы найдем и древние элементы, принесенные из Сирии и элементы, пришедшие из греческого и римского язычества, и элементы языческие, анимистические. Вы видите с некоторым удивлением, что космогония христианская построена опять-таки по принципу антиномии. Мы проникнуты до такой степени этим, что если вы возьмете драму или оперу «Фауст», то увидите, что и они тоже построены диалектически. Этот процесс мышления и процесс бытия, чрезвычайно глубоко лежащий в мироздании и человеческой жизни, в религии тоже проявляется. Мы будем эти элементы прослеживать.

Я обрисовал вам те элементы, которые мы с вами будем изучать, и считаю предисловие законченным. Теперь постараюсь перейти к изложению курса, к лекции первой.

Прежде чем заниматься изучением религии и религиозных явлений, надо дать более точное определение того, что такое религия. Вы знаете, что этнография изучает вообще культуру и затем высшую культуру. Надо определить отношение религии к культуре. Религия есть, как вы знаете, опять-таки часть духовной культуры, и мне придется, прежде всего, напомнить вам очень кратко то отношение,

которое мы имеем в духовной культуре к религии. Процесс развития духовной культуры по своей сложности и, я ска- зал бы, по своей физической неделимости, до сих пор лишь отчасти поддается научному исследованию. Процесс разви- тия духовной культуры можно назвать иррациональным, то есть не подлежащим наглядному прямому рассмотрению, ибо изучение процессов духовной культуры во всех ее об- ластях: в языке, в письменности, в искусстве, в фольклоре, в музыке – имеет по преимуществу внутренний характер, то есть мы координируем и сравниваем наши собственные внутренние наблюдения с описанием таких же наблюдений, сообщенных другими людьми. Мы в основу изучения кла- дем собственные наши внутренние элементы, которые мы анализируем, конечно научно, но путем самопознавания, са- морассмотрения. С другой стороны, современные наблюде- ния фактов, отражающих духовную культуру, убеждают нас в том, что эта область культуры, конечно, подчиняется то- же естественным законам, и что эти внутренние процессы вполне сопоставительны процессам материальным и обще- ственным. Тем не менее процесс развития духовной культу- ры представляет много неожиданностей, не исследованных и не объясненных до сих пор. Возьмем, например, происхож- дение музыки и характер волнения, вызываемого ею в че- ловеческой психике – и индивидуальной, и общественной. Музыка связана с ритмом, с двухчленной симметрией чело- веческого тела и с гармонией движений, но это объяснение

имеет не научный, а только эмпирический характер. Мы знаем, что они связаны. Но как? Мы знаем также, что начало воздействия музыки на психику относится еще к зоологическому миру. Музыка, таким образом, древнее языка, и влияние ее на человека глубже, чем от слов и живой речи; но в чем суть этого влияния, мы определить не можем до сих пор. Нужно было бы, конечно, иметь подход к изучению духовной культуры физиологический. Мы знаем, что психические процессы соединяются в человеческом мозгу с нервными клетками, но как соединяются, какая связь между нервным процессом и процессом психическим, до сих пор еще мы не подошли к этому исследованию. Мы знаем только, что это один и тот же процесс, это две стороны одного и того же процесса. Теперь опыты профессора Павлова и его школы пытаются поставить на рассмотрение это соотношение между нервным и психическим процессом. Если такие трудности встречаются в исследовании духовной культуры индивидуальной, то тем более они встречаются в исследовании духовной культуры социальной, общественной, в исследовании общественной психологии. Если Павлов изучает психические процессы условными рефлексам, изучает их звонками на собаках, на их слюнных железах и мозгу и т. д., то общественные психологические процессы установить так нельзя, потому что общество не имеет ни мозга, ни слюнных желез, и нельзя никаких опытов над обществом производить. Тем не менее общественная психология существует как факт

и имеет специальные свои проявления, которые проявляются во взаимоотношениях наших мозгов между собой. Может быть, наши умственные и мозговые центры сообщаются при помощи каких-то излучений в природе, относительно которых школа другого великого русского физиолога, физика Лазарева⁶, только сейчас ставит вопрос об их изучении. Говорить о материальной основе, о материальном изучении духовной культуры сейчас нет возможности. Мы можем только установить, что духовная культура, это такая же материальная культура, которая имеет материальную базу, но изучение ее мы должны вести путем самонаблюдения. Мы знаем путем собственного анализа, что когда работаешь среди русских по социальной культуре или над психологией общественной, то это очень легко, потому что вы знаете язык и на все термины подводите свое собственное внутреннее знание. Но когда вы работаете среди туземцев, когда у вас нет общего с ними языка, вы лишены орудия, потому что вы не можете подложить под процесс, который вы наблюдаете, свою собственную внутреннюю психологию. У вас нет ключа. И ключ получается только тогда, когда вы собственный мозг, собственную психику настраиваете созвучно, когда вы знаете их язык, когда их психика живет в вашем собственном психическом процессе. Это есть духовная культура.

Но из областей духовной культуры самой сложной и са-

⁶ Лазарев Петр Петрович (1878–1942) – физик, биофизик, с 1917 г. действительный член Академии наук (примеч. сост.).

мой неожиданной и наименее изученной является религия. Прежде чем идти дальше, я хочу определить те элементы религиозных явлений, которые можно расчлениить, и которые вначале, пока не построен комплекс, будет удобнее изучать отдельно.

Наше изучение культуры распадается на три части: на материальную культуру, духовную культуру и культуру социальную. Таким образом, надо нам и религии выделить и изучать элементы материальные, элементы социальные и элементы духовные, элементы психологические, в том числе и элементы общественно-психологические.

Начинать, конечно, нужно прежде всего с элементов материальных, ибо о них говорить легче всего. Какие есть материальные элементы в религии? Попросту буду их перечислять и каждому предмету менее понятному буду давать объяснение. Мы имеем: амулеты, изображения (идолы, иконы), чудеса.

Между прочим, чудеса, это, конечно, явление материальное. Когда какого-нибудь чудотворца заворачивают пеленой⁷ (это повсюду совершают, и это факт), то явление претендует быть приписано к материальной культуре. Иначе чудо и нельзя рассматривать. Чудо не духовно, оно всегда материально.

Во избежание недоразумений я должен сказать, что в религии мы исследуем верования и представления, поэтому то,

⁷ Имеются в виду мощи святых (примеч. сост.).

что я буду называть в религии фактами, есть факты условные, и когда я буду говорить «чудо», то не буду оговариваться «якобы чудо». Каждый раз, когда буду цитировать, то буду говорить «восшествие Христа на небеса» или «поднятие шамана на 9-е небо», а не буду прибавлять «якобы», я это пропускаю. Для нас это условные факты, которые мы изучаем. В дальнейшем, когда мы изучим это, то, может быть, мы постараемся определить саму природу религиозных верований. С этой точки зрения понятно, что чудо есть явление материальное. Если вам хочется, то можете прибавлять мысленно постоянно: «якобы чудо».

Вот моя книга, которая печатается⁸, была на рассмотрении, и в том месте, где я говорю, что у шаманов есть процесс кровавого пота (процесс, который я лично дважды наблюдал, очень интересное явление, которое, очевидно, есть то же самое явление кровавого пота, которым Христос потел в Гефсиманском саду), то на полях написали замечание, что пота не было, так как Христос – миф, и всего этого тоже не было. Ясно, что это миф, никто и не говорит, что это не миф, но нельзя постоянно говорить «якобы». Это мне напоминает цензуру XIX века. Когда Сумароков в своей трагедии выводит Магомета и одного фантастического магометанина, который говорит: «клянусь своим пророком», то цензор везде вычеркнул «пророком» и написал: «клянусь лжепророком»,

⁸ Имеется в виду книга: *Богораз В. Г. Христианство в свете этнографии*. М.; Л., 1928 (примеч. сост.).

потому что Магомет не мог считаться в православной церкви пророком. Цензоры, очевидно, везде одинаковы, и у них всегда одинаковый подход.

Итак, примите это как условные научные факты, и я к этому вопросу возвращаться больше не буду.

Значит, имеем: чудо, различные раки, мавзолеи, храмы, священные книги, скрижали, данные богом. Причем, должен вам сказать, что я, изучая эти моменты, постараюсь выделить эти, хотя и материальные элементы, как элементы социологические, и притом как элементы, которые есть и в древней религии, и в новой религии, и даже есть в советском подходе к религии, в состоянии совершенно безбожном или состоянии, не имеющим к религии никакого отношения. Возьмем раки, храмы, мавзолеи и всякие останки святых. Имею в виду вам напомнить, что во Франции и в Америке построено два мавзолея: во Франции мавзолей Наполеона, а в Америке мавзолей Гранта. Я в обеих странах был и могу сказать, что это нечто величественное и наводит вас на размышление о великом. Наполеон и Грант, как запечатлелись эти фигуры в представлении французов и американцев? Хотя это фигуры и не религиозные, но они имеют обыкновенные мифологически-религиозные черты. Наполеон, например, представляется в стихотворении Лермонтова «Воздушный корабль» как «непобедимый, как великий океан». На самом деле Наполеон был маленький, толстый и довольно женственный, и был, кроме того, по-женски застенчив. Если вы анализиру-

ете его настоящий образ, то он очень чужд изображению, поставленному у входа в гробницу. Если возьмете Гранта, который в Америке приобрел почти божественный характер, то с ним связана история о военных поставках, на которых он сделал себе карьеру, и история дала о нем заключение довольно незавидное. Правда, в Америке взятка есть явление необычайно вошедшее в нравы, но все же если вы сравните, чем был Грант на самом деле, и то представление, которое имеют о нем американцы сейчас, то ясно, что тут есть элемент мифический, который и выражается в его мавзолее. Мавзолеи Наполеона и Гранта ничем не отличаются от других мавзолеев, начиная от древнейших храмов, где помещались боги. Возьмите Пантеон, эту систему святых в смысле храма. Строился особый храм, который посвящался всем святым, всем богам. Между прочим, в нашу советскую культуру пантеон вошел, как посвященный всем героям. Во Франции пантеон, это место последнего успокоения героев как военных, так и общественных, политических и революционных. Этот пантеон принят, так сказать, и советской мифологией. Так что тут есть некоторая преемственность российского пантеона и французского пантеона, которую можно легко проследить и которая до сих пор живет.

Скрижали. В скрижалях я возьму два примера. Есть скрижали, данные Моисею, каменные пластинки. Они являются все-таки элементом материальным. Это есть самые древние скрижали в еврейской и в христианской церкви. Самые но-

вые скрижали — это скрижали мормонов.

Мормонская церковь образовалась в 30-х годах XIX века в Америке из различных элементов, они построили нечто вроде фарисейского провозглашения древнего еврейства и грубых христианских элементов. Вероучителем этой церкви был Джозеф Смит. Он ввел многоженство, что является антихристианским элементом и христианской церкви совершенно противно. Само собой, что к нему относились враждебно и священники, и толпа. Он получил скрижали в штате Иллинойс. Это были золотые доски, на которых было написано по-английски. Эти скрижали, как говорят, до сих пор целы и лежат в храме мормонов в городе Соленого озера. Скрижали Моисея не сохранились. Это чрезвычайно важный момент. Вы видите, что эти материальные элементы в религии существуют не в настоящих подлинниках, а в копиях, подделках, которые являются такими же священными элементами.

Мы имеем в религии музыкальные инструменты: бубны, трещотки, кимвалы, тимпаны, вплоть до органа в современной церкви. Затем имеем: курение, жертвоприношение, миро, масло, ладан, окуривание. Причем часть этих курений и окуриваний направлена на внушение и приведение себя в экстаз. Вспомним в Греции пифию в Дельфах, которая выходила и садилась на треножник, пары ее опьяняли и в этом состоянии она предвещала. Шаманы американские и российские опьяняются курением для приведения себя в экстаз.

Это все элементы материальные.

Это есть материальные элементы религиозных явлений, религиозных верований. С другой стороны, при всей важности материального подхода надо подчеркнуть, что материальное свойство предмета имеет второстепенное значение. Главное значение имеет тут психологическое и общественно-психологическое толкование и освещение, которое человечество и отдельные люди вкладывают в этот материальный предмет. Возьмем обыкновенный пример: мясо жертвенное и мясо не жертвенное. По внешности оно ничуть не разнится. Мясо жертвенное и не жертвенное одинаково съедается жрецами и богами, так что материальной разницы нет, но разница в толковании, разница психологически-общественная огромная.

Затем надо еще упомянуть в материальной части религии, я сказал бы, ее общественно-материальную сторону: обряды, заклинания, порчи. В этих обрядах есть материальные элементы индивидуальные, но есть и большие материальные элементы общественные. Общественные праздники, пиршества – это тоже явления материальные. Это будет нам служить переходом к социальным элементам в религии.

Социальные элементы – это общие обряды, общая материальная сторона религии, общественная сторона. Циклическая форма религиозных обрядов совпадает и объединяется с элементами материальными, и мы будем изучать не столько их материальную сторону, сколько тот общественно-религи-

озный подход в толковании и освещении, который с ними тесно связан. Но, конечно, в анализе религии важнее всего не материальный момент и не момент социологический, а момент психологический. И вот этот психологический момент, этот момент духовной культуры мы будем изучать двояко, в двойном проявлении: в индивидуальном и в массовом, ибо религия как раз в своей внутренней сущности тоже имеет оба элемента: индивидуальный и общественные. Для лучшего понимания я приведу примеры.

Например, вы знаете, что в начале христианской религии лежит рассказ об уходе Христа в пустыню, где он был 40 дней, имел видения, был искушаем дьяволом и выработал там, очевидно, основу христианского мирозерцания и религиозных верований. Приведу другой пример, подобный тоже, из моментов христианской церкви – молитва Христа в Гефсиманском саду. Другой пример еще: в протестантизме Лютер тоже выработал основной подход к протестантизму, тоже был в уединении и тоже был искушаем дьяволом. Это опять-таки подход к внутренним переживаниям человека, подход идейный. Это элемент индивидуальный.

Что касается элементов общественных, то можно привести множество чрезвычайно типичных примеров общественной психологии. Общественное колдовство, массовые пляски, как например, те, которые ведут карабари негритянские. Бубны, трещотки – это материальные элементы в общественной религии, а социальный момент – это тот, что

они вместе пляшут, вместе кружатся, тут есть соотношения полов, соотношение возраста, они вместе должны касаться бубна и т. д. Этот момент общественный тоже чрезвычайно силен в религии. Возьмем христианские так называемые глоссолалии апостолов. Христианство имеет два этапа: Христос в пустыне, это момент индивидуальный, и апостолов, это первая общественная ячейка – 12 апостолов, а дальнейшая – 70 апостолов. Этот момент является общественной формой. Когда они сидели вместе, и дух святой сошел на них, и стали они выкрикивать на различных языках (глосса – язык; лалео – говорю; отсюда название: глоссолалия), то это, конечно, момент общественной психологии, и не социальный, а духовный. Это был общественный экстаз, который поднял их над обычным мышлением и обычным языком. Этот общественный экстаз мы можем видеть на любом общественном собрании хлыстов или скопцов. На хлыстовских радениях и на скопцовских кружениях берутся за руки, поют песни, пляшут, и дух святой на них находит. Историческое плясание и выкрикивание совершенно непонятных вещей, это такое проявление общественного возбуждения. Но то, что мы будем здесь анализировать, это элементы общественной психологии. Первоисточник, это момент индивидуальной психологии, который я вам уже охарактеризовал. Я уже раньше сказал, что анализ этих моментов индивидуальной психологии, и тем более общественной, усложняется тем, что у нас нет никакого измерительного подхода,

не только материального, но, что еще хуже, что внести измерительный элемент в религию невозможно. Мы наблюдаем только изнутри и понимаем только постольку, поскольку наша психика является камертоном, приемлемым для этих общественно-психологических явлений. Между прочим, я должен еще сказать, что если вы сопоставите оба элемента, то, конечно, элемент социологический, элемент общественной психологии, несравненно важнее в образовании религии элемента индивидуального.

Объясняют еще до сих пор традиционно, что построение религии было всегда связано с индивидуальным лицом и с индивидуальным моментом. Между прочим, все высшие религии имеют высший характер. Они названы и организованы по имени их вождей, начиная с иудаизма еврейского, который впервые выдвинул этот момент индивидуальный, и вплоть до христианства. Даже в христианстве имеем отдельные имена, в различных христианских частях, как лютеранство, кальвинизм, и вплоть до самых мелких разделений. Каждая секта, каждое согласие русского раскола, старообрядчество и сектантство тоже имеют имена возглавления. Например, Феодосеевское согласие, Филипповское согласие и т. д.

При изучении религии постоянно выдвигается элемент индивидуальный, не только в разрезе личности, но и в разрезе общественном. Религия выдвигается с этой точки зрения двояко: как ощущение индивидуального человека, это инди-

видуальная часть, а общественная часть выдвигается как дело внушения, продукция религиозных вождей. Между тем вопрос о роли вождя в религии и вообще во всех общественных явлениях чрезвычайно преувеличен. Общественные явления имеют в себе характер массового движения и характер массовой импульсивности. Человек есть такая маленькая фигура, которая рождается и умирает, проходит, как листья на деревьях, и не только маленький человек, но и всякий другой. Если бы вожди религиозные были бессмертны, то, конечно, и подход к ним был бы другой. Но если тот же Христос жил 33 года, а Магомет 55 лет, то они такие же проходящие, как и все другие люди. Не вождь создает религию, а религия создает вождя. Создание религии – общественный постулат. В целом ряде религий, в маздаизме и в христианстве вождь, царь – центральная фигура, стоящая в их центре, является мифологической или полумифологической. До сих пор в анализе христианства ведутся споры о том, что был ли Христос, которому придается огромное значение и сторонниками, и противниками. Все активные религиозные моменты, все религиозные книги, от маленьких до больших, наполнены этим фактом. С нашей точки зрения, это очень важно. Тот Христос, который стоит сейчас в центре христианства, и та легенда, которая создана, они далеки друг от друга. Взять хотя бы евангельскую философию: как большое горчичное дерево далеко от маленького горчичного зернышка, так же и тут. Правда, и в дальнейших религиях: в протестантстве, лю-

теранстве, кальвинизме и магометанстве мы видим вождей, но тем не менее можно спорить.

Взять хотя бы, например, личность Магомета и анализировать, какую роль играл Магомет в развитии магометанства. Как раз не Магомет играл роль, а играли, с одной стороны, основы жизни экономические и хозяйственные и общественная психология тогдашнего мира. В развитии магометанства, с другой стороны, ученики Магомета играли бóльшую роль, чем он сам, точно так же, как в развитии христианства Павел-Саул играл бóльшую роль, чем сам Христос, ибо относительно Павла-Саула у нас есть сведения, а о Христе, если он и был, но никаких реальных сведений о нем не осталось.

Можно привести еще такой пример. Приблизительно в половине прошлого века в Африке среди негров произошел страшный взрыв. Появился Магди, пророк вроде Магомета, который повел дело объединения Африки⁹ и если бы не огромная варварская техника европейского оружия, то мы имели бы огромную арабскую религию, которая перекинулась бы из Африки и затопила бы весь мир. Но она оказалась бы бессильна и была затоплена в крови. Магди в этом играл маленькую роль, большую роль играло негритянское окружение, которое развило такую силу и которое жертвовало жизнью.

⁹ В 1881 г. в Судане египтянин Магомет Ахмет стал выдавать себя за магди – последнего посланника Аллаха (примеч. сост.).

Попутно я скажу, что когда строим анализ будущих войн, будущих столкновений, то много говорят о том, какое значение имеет техника. До сих пор значения техники в войне практически не было. Настоящий переворот в стратегическом отношении произвела последняя мировая война, которая была построена так, что на обеих сторонах были страны с высшей технической культурой. Германия на одной стороне и Североамериканские соединенные Штаты – на другой, и на обеих сторонах были нации менее культурные, которые могли поставлять огромный человеческий материал, как например, Россия, с одной стороны, и африканские и индусские массы, которые стояли на английской стороне; так что, веса были уравновешены.

Я считаю, что если искать социологический прогноз, то есть один пример столкновения могущества и религиозной войны, это негритянский магдизм, который располагал многими сотнями тысяч воинов как негритянских, так и арабских, и который вначале, благодаря этому имел успех. Магдисты взяли Хартум, англичан перебили и самого Гордона¹⁰ зверски убили, но тем не менее потом английская техника, которая хотя и не была так высока, но от негритянской была очень далека, расправила шаги и эту новую мировую религию, народную религию, которая рождалась на новой почве, но почве полной власти, она стерла с лица земли.

¹⁰ Английский генерал Ч. Дж. Гордон был убит в 1885 г. в Хартуме во время Махдистского восстания в Судане (примеч. сост.).

Я это привел для того, чтобы выделить социальный элемент. Особенно же ярко общественно-психологические явления проявлялись в первобытности. Первобытность вся наполнена массовым психозом и массовым восприятием элементов религии. Начиная от чукотского шаманства и переходя последовательно к средним векам и вплоть до последнего времени, мы видим эти элементы чрезвычайно ярко развитыми.

Например, взять хотя бы крестовые походы, в которых несомненно была массовая волна. Возьмите крестовые походы детей, когда подняли десятки тысяч детей, большая часть которых поумирали с голода, а часть наконец, дошли до морского берега, большую часть детей продали в рабство, наполовину эти дети погибли, а часть сделалась потом африканскими воинами. Тут был массовый момент.

Такой же момент имеем в шаманстве, хотя там группа и небольшая, но все же массовый момент несколько не теряется.

Возьмем еще один пример из Средневековья. Флагеллянты, чтобы каяться в грехах, целыми толпами ходили и избивали себя почти до смерти. В это движение входили все новые и новые люди. Государство спохватилось, но не сразу это можно было подавить, так как это шло как волна.

Возьмите наши массовые моления на Пороховых¹¹. Десят-

¹¹ Вероятно, В. Г. Богораз имеет в виду крестные ходы из Петербурга на Охту, в храм Пророка Ильи при Охтинском пороховом заводе, которые собирали

ки и сотни людей сходились, и не надо ни учителя, ни вождя, масса создает из себя настроение.

Эти массовые моменты отображены в произведениях литературных. Сделаю литературную ссылку. Некоторые, вероятно, читали «Савву» Андреева¹². Рекомендую последний акт «Саввы» Андреева, где народ убивает Савву, и мимо проходит крестный ход. Единственная сестра Саввы бросается в этот ход и совершенно тонет в нем. Такие стихийные настроения в православии ярко выражаются. Вы видите на сцене, как Савва и его сестра – люди маленькие и как велика толпа и общее создаваемое ею настроение.

Надо, однако, сказать, что этот подход к изучению общественных моментов в религии в значительной степени является только пожеланием, так как сейчас разработка религии стоит на такой стадии, что ввести этот момент в изучение полностью невозможно. Особенно это невозможно ввести в изучение первобытных религий, общественный момент, который в них замечается, надо изучать гораздо подробнее, чем они были изучены до настоящего времени. Все, что вы изучали в первобытных религиях, были моменты индивидуальные. Вы изучали человека и душу, анимизм, преанимизм, все это была религия человека, а не человечества, не человеческой массы. Человеческую душу вы изучали, и не

огромное количество верующих в 1910-х гг. (примеч. сост).

¹² Пьеса Леонида Андреева «Савва» была запрещена в 1906 г. вскоре после ее написания (примеч. сост.).

только вы, но и вообще современный анализ религии изучает как душу индивидуальную, душу одного человека. Даже вопрос об общественной душе, вопрос об элементах общественно-психологических изучается только формальным образом. Я это упомянул для того, чтобы указать, насколько в первобытных религиях коллективный момент важен и силен и что душа первобытного человека есть тоже коллективное явление. Я должен предупредить вас, что при современном состоянии знаний о первобытных религиях мы бессильны дать анализ общественно-психологический.

Мой анализ, конечно, тоже будет анализом индивидуального момента, анализом взаимоотношения человека с божественными элементами, восприятие верований и восприятие мира. По моему мнению, современная наука дает возможность построить первобытную религию в таком разрезе: индивидуальное восприятие массового момента. До сих пор это было индивидуальное восприятие индивидуального момента, вера, обыкновенные религиозные воззрения. Я считаю, что мы можем построить индивидуальное восприятие массового момента. Вы увидите в дальнейшем, как это важно. Я буду говорить не о религиозной идее, а об религиозном ощущении. Вот то новое, что при современном состоянии знаний я внесу и что вносится нашими новейшими учеными, нашими великими современниками, которые работают в этой области, в частности Фрезером, новейшую книгу которого я с вами анализировать здесь не буду, но, может быть,

буду анализировать в нашем семинарии.

Что касается анализа общественного, моментов общественной психологии, то я смогу вводить это только как отдельные экскурсии, а не как что-то большое. Между тем общественно-психологический момент в религии самый прочный, и прочность его усугубляется тем, что в самых первобытных религиях и вплоть до нашей современности, в так называемых высших культурах этот общественно-психологический момент вполне живет. Я вам давеча сделал некоторые указания насчет материальной религиозной культуры и выделил один момент, как он живет, и в светском подходе, это – мавзолей, но что касается верований, то я тоже приведу ряд примеров, так называемого легковерия или суеверия. Это есть легковерие и суеверие толпы, а не легковерие и суеверие отдельного человека. Если оно индивидуально, то оно выветривается, а общественное имеет очень крепкий и стойкий корень. Чтобы вам это осветить, я скажу, что общество как таковое, поскольку оно является чем-то организованным, оно имеет в себе элементы первобытные гораздо более ярко выраженные, чем у отдельного человека. Мы сами как личности переживаем глубоко позднее развитие, от века железного к веку паровому и веку электричества, но когда мы сходимся вместе и начинаем превращаться в толпу, то у нас просыпается соответствующая, лично нам неизвестная, общественная психология, древняя, я бы сказал даже палеолитическая. Я процитирую в этом отношении выдержку из

книги Лебона: «Масса чрезвычайно легко поддается внушению. Она легковажна, лишена критики, невероятное для нее не существует. Она мыслит картинками, которые вызывают одна другую в том же порядке, как у свободно фантазирующего человека. Чувства массы всегда очень просты и чрезмерны. Она не знает ни сомнений, ни колебаний. Она переходит немедленно к самым крайним действиям. Подозрение превращается у нее тотчас же в неопровержимую уверенность, зародыш антипатии – в дикую ненависть»¹³.

Другую цитату приведу из Фрейда насчет соответствующей социальной психологии в религиозном разрезе: «Религия – хотя бы она и называлась религией любви – должна быть жестока и немилосердна к тем, кто к ней не принадлежит. Каждая религия в основе является религией любви для тех, кого она объединяет. И каждой религии свойственна жестокость и нетерпимость ко всем тем, кто не является ее последователем. Если эта нетерпимость не проявляется в настоящее время столь грубо и столь жестоко, как в прежние века, то из этого едва ли можно сделать вывод о смягчении человеческих нравов. Напротив, причину этого смягчения следует искать в непрерывном ослаблении религиозных чувств и зависящих от них общественных привязанностей. Если место религиозной массы займет другая масса (в настоящее время это как будто удастся социалистической массе), то результатом будет та же самая нетерпимость ко внестоя-

¹³ Г. Лебон «Психология народов и масс». Пер. с франц. СПб., 1896, стр. 186.

щим, как и во времена религиозных войн. Если бы различие научных взглядов имело больше значения для масс, то и в этой области повторился бы тот же самый результат»¹⁴.

Другая цитата, самая известная, что если бы азбучная истина «дважды два – четыре» или Пифагорова формула задевала бы человеческие интересы и была бы связана с человеческой группой, то, конечно, всегда были бы партии, которые бы боролись за это и не позволили бы этому установиться. Тут, конечно, дело идет о группах меньших, научных, которые могут образоваться вокруг такого математического положения.

Если мы считаем, что масса первобытна, то в связи с этим мы видим, что элементы верований и самые грубые элементы: легкое верие и суеверие, они живут и в современной массе, и в массе не безграмотной, а в массе хорошо грамотной и даже высокограмотной.

С одной стороны, укажу, что суеверие религиозное, которое сейчас уже слабеет, указывает все-таки на массовый момент чрезвычайно крепко. Возьмите знаменитое возжигание пасхального огня. В христианском вероисповедании есть момент известный, что с неба сходит огонь, и вот зачем зажигают свечу, факел и раздают верующим, причем сотням тысяч верующих, огонь.

В Неаполе происходит чудо святого Януария. В баночке,

¹⁴ Фрейд, Зигмунд, «Психология масс и анализ человеческого Я». Пер. с немецкого, Москва, 1925, стр. 41.

считается, сохраняется немножко его крови (если бы это была настоящая кровь, то она должна была разложиться). В день – в праздник этого чуда, выносят баночку, и кровь закипает, и чем скорее это закипание совершается, тем больше счастья сулит неаполитанцам. Когда кровь как-то не закипала, то говорили, что это за грехи итальянского правительства, которое преследовало католическую церковь. Толпа вообще легковерна и сначала верили все, а потом стали ругать святого Януария самыми скверными словами. Это переход диалектический, о котором я уже говорил, что то, что святое, то и поносим.

С другой стороны, должен сказать, что и без так называемого религиозного подхода этот момент чуда также живет и сейчас. Возьмем, например, оракулы, чудесное лечение, знахари, чудотворцы. Знахари и чудотворцы связаны не только формально с религией, они существуют в огромном размере. Человечество приходит к ним слепо, ни на что не обращая внимание. Если бы сейчас появился какой-нибудь чудотворец, который бы напечатал в газете, что он лечит от смерти, что, если принести к нему мертвеца, то он его поднимет (надо сказать, что смерть является вещью неприемлемой для индивидуального убеждения человека), то я убежден, что нашлись бы люди, которые приносили бы к нему мертвецов.

Подход материальный врачей именно имеет характер чудотворный. Я недавно, например, читал, что один человек

убил врача за то, что тот не вылечил его племянника. Из-за этого потом был показательный процесс. Этот человек, очевидно, требовал от врача чуда.

Укажу ряд чудес, теперь живущих. Золотуху до XVIII века лечили прикосновением, причем это по закону стилизации перешло в обряд. Так, к французскому королю приносили всех золотушных детей для исцеления. Здесь есть момент массового внушения, который я потом проанализирую. И в нашей истории есть такой момент, правда момент индивидуального внушения, как Распутин лечил наследника Алексея от гемофилии. Он приказывал ему спать, приказывал крови остановиться. И это установлено, это факт. Я привожу этот пример, потому что распутинская история имеет массовый характер. Здесь есть момент индивидуальный и массовый момент. Еще более интересный пример – современная реклама. Она в области врачебной и в области косметической имеет характер совершенно чудесный. Если сравнить легкое верие высокограмотных людей, вплоть даже до профессоров без исключения, и сравнить его с легкое верие Древнего мира, то, конечно, современное легкое верие является более чудесным, потому что тогда были оракулы, храмы Эскулапа или Дельфы, никто ничего не видел, были лишь слухи о делах, являлся прохожий безграмотный и излечивал. А теперь современная реклама, написанная в газете черным по белому, является оплаченной, и это всем известно, и мы сами знаем, что оплачено, но все же читаем эти рекламы самые

нелепые, и тем не менее на нас они действуют. Реклама имеет воздействие, и поэтому современные капиталистические предприятия тратят чудовищные деньги на рекламу, такие чудовищные, что невольно задаешься вопросом, оплачивается ли та польза, которую дает реклама. Когда я был в Париже, то я видел, как над самым крупным автомобильным заводом Ситроэн'а каждый раз вспыхивала реклама в виде огромной электрической вывески автомобиля. Несомненно, что такая штука стоит многих денег. Или такие рекламы, как рекламы на Эйфелевой башне. Очевидно, это есть такая часть общественной психологии, которая не умирает, и должны быть такие люди, которые ее читают и воспринимают, и поэтому капиталисты идут по этому пути.

Приведу вам пример массового момента, который я наблюдал в прошлом году в Италии на Сканным озере. Там устраивается праздник вина. Этот древнейший праздник вина пришел к нам от Древнего мира, прошел через Средние века и до сих пор живет в Италии. В этот день главный фонтан в городе начинает бить вином, и публика, более ста тысяч человек, подходит, и все пьют, и это называется чудо священного вина. Это конечно, совершенно языческий подход. Между прочим, там и в газете было напечатано, что будет чудо священного вина. Чудо было такое, что, действительно, все фонтаны забили вином, но так как мы имеем культуру материальную, капиталистическую, то для питья раздавались пергаментные стаканчики и этими стаканчиками пи-

ли. Я не мог подойти, у меня стаканчик вышибли из рук, но мой спутник, русский профессор, пробрался и даже два раза выпил. На самом фонтане надпись была такая, что из этого фонтана вы пьете священное вино, и еще такая вещь, еще более чудесная, что вы можете купить вино в погребке Анни-бала Пинтолетти в Риме на такой-то улице, и на стаканчике тоже было написано, причем не было сказано, что производилось за его счет. Тут элемент легковерия несомненно был.

Есть продажные финансовые статьи за границей, которые печатаются в иностранных газетах, причем эта продажа имеет чудовищный характер. Самые крупные газеты во Франции и половина американских газет живут от продажи таких статей, за которые им платят. Денежный капитал владеет производством, а производство владеет человечеством. На скачках руководствуются опять-таки этим же фавориты. Я не знаю, как у нас фавориты печатаются, но за границей, конечно, каждое указание фаворита оплачивается огромными деньгами той стороной, которая держит пари, которой выгодно выигрывать. Нечего говорить, что реклама имеет такой же лечебный характер, как оракулы; все эти патентованные средства являются магнезией, жиром и т. п., но тем не менее все эти средства в полном ходу у человечества и распространение их нисколько не слабеет.

Элементы легковерия совершенно необоснованны, и легковерие мифологическое до сих пор живо и нисколько не умирало. Насчет финансов я сделаю опять прекрасную ли-

тературную ссылку и процитирую один из рассказов Марка Твена о том, как черт ловил людей. Он сел на крышу дома, надевал соблазны различные на удочку и вытаскивал так человека за человеком. Наконец, он вытащил жирного биржевика, который ругался, и сказал ему: «Ты не умеешь делать, дай мне». Он вынул из кармана рекламу об акциях и надел на удочку и стал ловить. Черт очень обрадовался и пошел гулять, потому что ему уже надоело ловить этих плюгавых, поганных людишек. А тот начал таскать людей, и чем дальше, тем больше. Вот он стал тащить кого-то, думает, что кита, так как очень трудно, тащит, тащит, и все не поддается, наконец, с огромным напряжением, он вытащил, и вы думаете кого? – самого черта. Вот что такое подход легковерия человечества. Здесь есть несомненно элементы мифологические, и эти элементы надо будет рассмотреть, и не только в религиях прошлых, но и в религиях современных, в самых высших.

Еще укажу мифологический момент, который выходит из области религии и входит в область гражданской общности. У римлян был ряд отвлеченных божеств: добродетель, скромность, богатство, которым так и поклонялись без всякого более подробного имени. Если вы возьмете наш подход к нашим идеям, то этот подход имеет тоже мифологический характер. Например, представление о французской революции – свобода, равенство и братство – это тоже, конечно, представление необоснованное и такое же мифоло-

гическое, как у римлян было представление о добродетели, богатстве, скромности и о силе. Есть французская тюрьма, около которой и теперь происходят публичные казни. Ясно, что там заключенные мрут как мухи, но тем не менее на этой тюрьме есть надпись: равенство и братство. Тут вы видите, что подход к этому элементу, с одной стороны, религиозный, а с другой стороны, по моменту стилизации, является подходом формальным.

Все эти элементы мы будем изучать. Я общего определения еще не даю, а только должен сказать следующее: что было бы хорошо, если бы мы в то изучение, которое нам доступно, могли бы ввести элементы физиологические, потому что религия, как общественное явление, имеет характер клинический, она связана с истерией, и истерия связана с религиозным экстазом. Но истерия не есть болезнь, истерия есть одно из нормальных извращений человеческой психики, и она захватывает и некоторые массовые моменты. Если бы мы могли ввести этот клинический элемент, то было бы хорошо, но мы его ввести, к сожалению, не можем, а между тем этот элемент имеет два подхода: подход индивидуальный и подход общественный.

Есть явление так называемых стигматов, которое проявляется больше у женщин. Некоторые монахини, девицы, девственницы, посвятившие себя Христу, настолько думают о Христе, об его страданиях и его язвах, что у них это выражается в виде красных и синих пятен на ногах, руках, у неко-

торых на бедрах. Это бывает также у мужчин, но чаще всего у женщин. Это явление до сих пор отрицалось. Говорили, что этого явления стигматов на самом деле нет, но некоторые представители этих стигматов были подвергнуты клиническому наблюдению, и это явление было установлено с большой точностью. Это момент индивидуальный.

С другой стороны, есть массовые психозы. Вспомним, например, процессы монахинь и ведьм в Средние века, которые заявляли, что общались со злым духом, вплоть до полового общения с ним. Вопрос о ведьмах и колдовских шабашах – это до такой степени запутанный вопрос, что, по-видимому, есть основание предполагать, что нечто такое существовало в действительности, что это было последнее проявление языческого обряда. Во всяком случае, в этих процессах монахов и других истерических процессах есть огромный процент массовой истерии. К этому анализу надо будет подойти клинически и исследовать превращение пола в чукотском шаманстве и всяком другом – превращение женщины в мужчину, шаманский брак и тому подобное. В шаманстве есть такой момент, что есть представление о духе-помощнике, который является женой, и, наоборот, есть мужской дух, который является мужем. Эти элементы в чрезвычайной силе у шаманов. Суккуб – это налегающий дух снизу – жена, а инкуб, налегающий сверху, это муж. Сверхъестественная жена как колдовской помощник; колдуны устраивают массовые общения, это, конечно, физиологический

подход, но тем не менее в этой физиологии есть подход глубоко истерический.

Лекция вторая. 27/X 1927 г.

После того общего введения, которое я сделал прошлый раз, нам надобно сейчас, прежде чем войти в самую толщу нашего исследования, сделать еще такой предварительный учет – определить, что такое религия и каково ее отношение к другим близким отраслям человеческого познания мира, то есть с заняться вопросами: религия и наука; религия и искусство; религия и поэзия. Затем необходим второй учет: так как религиозные элементы – это часть духовной культуры, которая занимается условными фактами, то есть фактами, действительно не существующими, а существующими только в человеческом представлении, то нам необходимо сделать учет о подходе различных человеческих групп, различных усмотрений к рассмотрению религии. Только после того, как мы этот учет закончим (что такое религия, и что думают по этому поводу различные человеческие группы, какой подход у них к религии), только тогда мы сможем идти вперед и рассматривать самое тело, самую сущность религиозного предмета.

Надо сказать, что дать определение того, что такое религия – трудно, и не менее трудно дать определение того, каковы взаимоотношения религии и науки, религии и искусства, религии и поэзии. По поводу этого существуют различные определения. Насколько я знаю, Лев Яковлевич [Штернберг]

давал такое определение (я оговариваюсь, я знаю это не из его курса, а знаю только из рассказов слушателей¹⁵), что «религия, это есть борьба за существование, но средствами не реальными, а средствами ирреальными, и которая связана с представлениями о несуществующих реально предметах». Это определение острое, но оно все-таки не вскрывает сущности предмета. Ведь вся наша жизнь – это борьба за существование, но это вторая половина борьбы за существование, именно с предметами иррациональными. Следовательно, тут нам надо вскрыть, что такое ирреальный предмет (я оговариваюсь, что, может быть, цитирую неточно, но я привожу это только для того, чтобы, имея это определение, не наткнуться в будущем на этот вопрос об иррациональном предмете, который нужно точно охарактеризовать, чтобы дать точное определение, что такое религия).

Я пойду другим путем. Вместо классификации, вместо терминологии, я всегда ищу наполнение термина. Гораздо интереснее знать его определение, чем его оболочку. Таким наполнением мы, может быть, выведем настоящие границы этой дисциплины. Чем занимается религия в настоящее время и чем занималась с точки зрения ретроспективного рассмотрения до самых первобытных элементов? Помимо обрядовой стороны, мы говорим сейчас и о философской сто-

¹⁵ Курс лекций Л. Я. Штернберга «Эволюция религиозных верований», который он читал в 1925–1927 гг. на этнографическом отделении географического факультета Ленинградского университета был опубликован только в 1936 г. (примеч. сост.).

роне: религия занимается вопросами вне пределов познания человеческого разума. Тут есть ряд вопросов, которые можно приблизительно разделить на три группы.

Группа первая, это человеческая жизнь. Что такое жизнь? Откуда рождение? Откуда идет и куда человеческая жизнь уходит? Что такое смерть? Есть ли смерть конец всему, или есть какая-нибудь загробная жизнь? И здесь есть подход волевой: хочу, чтоб не было смерти. Это и индивидуальный, и коллективный вместе с тем подход, так как человечество хочет, чтобы было бессмертие. Мы можем быть яркими позитивистами и безбожниками, но все наши действия на земле ведут к укреплению и утверждению бессмертия.

Вторая группа вопросов – это мироздание. (Первый ряд вопросов это был о человеке.) Откуда мир? Кто создал мир? Какой мир? Конечный или бесконечный в пространстве? Вечный или не вечный во времени? Как создан мир? Начало создания мира, и было ли какое-нибудь начало? Границы мира? Границы вселенной? Есть ли какие границы? Вот между этим – конечным или бесконечным, вечным или не вечным – мы всегда колеблемся и блуждаем, не умея разобраться.

Третий ряд вопросов – это теологический подход к миру, то есть его целевая установка. Зачем существует мир? Зло и добро. Зачем существует зло и как идет борьба между добром и злом? Кто победит в этой борьбе?

Итак, есть три ряда вопросов. Первые вопросы – о сущно-

сти человеческой жизни и ее направлении. Второе направление – о возможности бессмертия и о смерти и рождении. И третий подход к миру – это подход теологический. Эти вопросы религия ставит и на них не имеет ответа.

Между прочим, позитивная школа пыталась эти вопросы выкинуть, объявив их не подлежащими рассмотрению человеческого разума и поэтому непригодными для изучения, это были как бы запрещенные вопросы. Но дело в том, что запрещение не есть еще ответ. Дело обстоит так, что религия эти вопросы ставит, а ответа на них нет, и тем не менее вопросы эти не исчезают, они остаются. И нам придется в дальнейшем, рассматривая взаимоотношения религии с поэзией и наукой, постоянно с этими вопросами сталкиваться.

Сделаю ссылку на Пушкина:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Опять встречаемся с этими же вопросами, только у Пушкина ответа опять-таки нет, а одни только вопросы. Настроение у него пессимистическое, а из религиозных вопросов не вытекает, что настроение должно быть пессимистическим, кроме того, мы пытаемся изучать настроение как таковое.

У Гейне мы видим приблизительно так: стоит человек на берегу моря и вопрошает, задает эти же самые вопросы: зачем мир? зачем жизнь? зачем добро и зло? И ниоткуда нет ответа¹⁶. И мы постоянно это спрашиваем, пока судьба нам не затыкает землей рот, но это не есть ответ на вопрос.

Такой подход к религии у позитивистов вынимает жало, потому что он тоже признает, что ответа на эти вопросы нет, и тем не менее эти вопросы остаются. Единственно возможный и серьезный подход к изучению религиозных явлений, это изучение религии в совокупности, взятой как целое. Если мы начнем уходить в прошлое, то мы увидим такой же подход, который был 2–3 тысячелетия тому назад. Если мы возьмем более всего знакомый подход философский к религии, например такой, какой есть в Библии в книге Иова, в книге Соломона, в Экклезиасте, то мы увидим, что там, в сущности, основы те же самые, которые я читал вам в строчках поэтов и изложил в вопросах.

Если взять и анализировать сущность этих вопросов, то,

¹⁶ Имеется в виду стихотворение Г. Гейне «Вопросы» («Fragen») из цикла «Северное море» (примеч. сост.).

как вы видите из того уже, что я сказал, эти вопросы не умо- зрительные, это вопросы в порядке оценки бытия, в них есть момент волевой и момент этический. Раз это вопросы, на которые мы не имеем ответа, то ясно, что умозрительного момента здесь не может быть. Тем не менее мы постоянно мироздание привлекаем к ответу в связи с этим, мы как бы с кем-то судимся, с какой-то первопричиной создания мира, которую представляем так или иначе в форме олицетворен- ной, потому что без олицетворения мы ничего себе предста- вить не можем. Итак, значит, мы постоянно привлекаем к ответу бога, вопрошаем: зачем, почему, постоянно, так ска- зать, судимся с богом. Конечно, это есть процесс совершен- но односторонний, на который ответа никакого нет.

Могу процитировать из Генриха Мореплавателя¹⁷. Это португальский принц, который является организатором многих морских путешествий, и он вопрошает: «Зачем бог сделал мир и сделал так скверно», причем он говорит, что если бы бог с ним, с принцем Генрихом, побеседовал бы, то он бы мог дать ему много хороших советов, как исправить мироздание.

Это есть процесс суда с богом. Если каждого из нас спро- сить, то, несомненно, что каждый мог бы подсказать пер- воисточнику создания мира множество советов, потому что мир создан из рук вон плохо, до такой степени плохо, что если построить схему создания мира религиозным путем,

¹⁷ Генрих Мореплаватель – португальский инфант (1394–1460) (примеч. сост.).

утверждая, что он создан благим богом, то это чрезвычайно трудно признать. Гораздо легче построить схему создания мира сатаной. И мы имеем такой подход и в поэзии, и в изобразительном искусстве. Возьмем речь Прометея, где он говорит: «Зачем мне тебе поклоняться, боже, разве ты хоть одному из угнетенных утер слезы?»¹⁸. «Фауст» Гете составляет такой подход и т. д. Это есть опять процесс борьбы с богом и ощущения злой силы больше, чем доброй. Далее вы увидите, что это соотношение между злой и доброй силой с самого начала лежит в основе религиозного подхода, причем человек признает, что злая сила больше, чем сила добрая. С другой стороны, в этом подходе непременно всегда есть постулат. Хотя мы фактически и признаем, что зло создало мир, но мы это не признаем в виде целевой установки. Теологически добро должно быть сильнее, и мы хотим, чтобы так было, и декретируем, что это так, что добро есть источник мироздания.

Таковы взаимоотношения нашего подхода к религии современного и более древнего. Причем я опять оговариваюсь, что этот подход лежит совершенно за пределами науки. Если вы этот подход к добру и злу проследите с самого начала, то вы увидите, что и в первоначальной религии вы имеете всю современную обрядовость, всю современную психику, вплоть до экстаза, даже вплоть до этого странного сочетания

¹⁸ В. Г. Богораз цитирует трагедию Эсхила «Прикованный Прометей» (примеч. сост.).

самообмана с обманом, сходного с шантажом, которые являются сущностью религиозных явлений, в этом взаимодействии добра и зла, в их взаимном равновесии, в этом своеобразном таинственном дуализме в виде двух начал, в религии фактически правит миром зло, а этически, теологически, должно править добро. И все начальные религии вплоть до современности сознают так, но разновес своего желания мы бросаем на сторону добра, которая легче и которая, таким образом, становится тяжелее, мы хотим, мы внушаем, чтобы она стала тяжелее. Такое взаимодействие в этом вопросе вы видите от самых корней религии до современности. Надобно подчеркнуть, что этот подход к восприятию бытия, конечно, не научный. Вполне научный подход – это есть подход миропонимания, а подход религиозный, от самого начала до современности, есть подход мироощущения. Мы не только декретируем, но те религиозные элементы, которые в нас живут, мы их выставляем внелогическим путем. Мы можем верить и не верить, можно с этими элементами бороться, но они существуют как элементы, которые к нам из мира подходят внелогически. В научном подходе мы орудуем мышлением, разумом, мы анализируем мир. А в религии, поэзии и искусстве, если рассматривать нашу психику как чувствительную пластинку, то она воспринимает это ощущение мира, и это ощущение связано с чисто религиозным мироощущением.

Таким образом, общее положение о научном подходе та-

кое, что это есть логический анализ, это есть разрешение уравнения с неизвестными, которые мы делаем известными и, таким образом, получаем подход не только логический, но и математический. «Я верю (подход Декарта), потому что это доказано, и постольку, поскольку это доказано наукой, это истинно». Истина в науке перед нами раскрывается постепенно, именно постольку, поскольку превращается из уравнения со многими неизвестными, по мере того как мы подставляем новые и новые известные вместо неизвестных, она превращается из теоремы неразрешенной в теорему решенную.

Подход религиозный иной. Если взять формулу религии, то тут есть два подхода, две формулы.

Одна формула, которую я сейчас буду анализировать, это чрезвычайно известная формула Тертуллиана, это – «Верю, потому что нелепо». *Credo quia absurdum*. Это, конечно, странно – верить, потому что нелепо, это алогично, это не логично, но это так: верю, потому что верю, потому что есть какие-то элементы веры во мне, таково мое ощущение путем слияния со мной мира. В этом отношении между позитивными элементами и религиозными элементами происходит непрерывная борьба.

Прежде чем пойти дальше, я должен указать еще такой момент. Из того, что я сказал, вы видите, что с самого начала анализа я считаю невозможным и ненужным соединять религию с наукой, потому что общих представлений религия

и наука не могут иметь, это есть элементы не только различные, но и противоположные, хотя у них подход один и восприятие одно, результат устремления один.

Я не знаю, насколько отчетлив и понятен анализ, который я сделал и дальше сделаю. Попробую вместо религии ввести элемент поэзии, может быть, тогда будет более понятно. Дело в том, что мировая поэзия вплоть до XX века занимает такое же положение, что и религия, они идут одним путем. Я сделаю вам несколько поэтических ссылок и приведу ряд поэтических цитат, которые раскроют вам этот внелогический подход. Например, вы с некоторым удивлением видите, что поэзия, не только древняя, но и самая современная вплоть до ее самых высот являет картины такие, которые нельзя иначе формулировать как картины, не скажу религиозные, но картины религиозного типа. Я цитировал вам из «Фауста», из Пушкина, теперь приведу несколько других цитат, причем выбираю цитаты, как раз не религиозные, а выбираю цитаты тематические. Но что вы здесь увидите? Вы увидите, что подход к мирозданию остается тот же самый. Вы читаете у Лермонтова про Гете: «Была ему звездная книга ясна, и с ним говорила морская волна»¹⁹. Если предположить, что с Гете говорили звезды, и что с ним говорила морская волна, то ясно, что поэт предполагает, что у него был какой-то подход ощущения мира, подход эмоциональный, путем слияния

¹⁹ Цитата из стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гете» (примеч. сост.).

с миром, путем мироощущения.

Возьмем чрезвычайно известное стихотворение Пушкина «Бесы». С некоторым удивлением надо сказать, что «Бесы» — это, в конце концов, картина шаманского мироощущения. Что такое «Бесы»? Здесь Пушкин воспринимает бурю, вихрь так, как воспринимает шаманист. Вы скажете, что Пушкин не был шаманистом. Конечно, не был, но он был поэт, он воплощал в поэзии и такие представления.

Возьмем известное стихотворение Лермонтова «Нива», которое дает картину природы, чрезвычайно красивое и глубокое слияние человека с природой, и которое неожиданно вдруг заканчивается так: «Тогда смирятся души моей тревога, тогда расходятся морщины на челе, и счастье я могу постигнуть на земле, и в небесах я вижу бога...» Как же тогда понять — «и в небесах я вижу бога»? Конечно, это не Христос, не еврейский бог с венчиком на голове и косматой головой, которого Васнецов рисовал под куполами наших храмов. Я думаю, что Лермонтов хотел сказать что-то другое, все стихотворение наполнено, по-моему, пантеистическими элементами, это есть слияние с природой и, в конце концов, пожалуй, все же тип религиозного мироощущения.

Посмотрим западную поэзию. «Синяя Птица» Метерлинка. Это современное произведение, и подход здесь вполне современный. Оно написано отчасти для детей старшего возраста, отчасти для взрослых. Там изображается наш подход к мирозданию, то самое, о чем я говорю. Причем, если ее

оценивать как следует, то это, конечно, есть не что иное как мистерия, я не сказал бы религиозная, потому что там никакого религиозного момента совершенно нет, но тем не менее это мистерия религиозного типа, она совершенно похожа на средневековую мистику о мироздании, где выводили и бога, и черта, и показывали, как творился мир. У Метерлинка мы с некоторым удивлением видим такие картины, правда, в ином разрезе. Например, у него загробный мир – это мир, который отделяется занавесью от этого мира. Там есть люди, маленькие души, которые должны воплотиться и идти в этот мир. Причем они подчинены судьбе, а судьба – это какое-то безличное повеление. Она говорит: такая-то душа должна идти. Эти души, между прочим, сидят там в ожидании, обнявшись, и ждут своей очереди. Вот одну берут, другая тоже хочет идти вместе, но ей еще рано, ее не пускают, она должна прийти через 50 лет. А те души, чья очередь пришла, их вытаскивают под занавес, и они идут рождаться. Тут подход такого же типа. С другой стороны, это есть подход как раз грубый, правда, к человеческому рождению – откуда пришел человек, и куда ушел человек. Мы видим, что имеется здесь подход религиозного типа, но что он развивается так же, как в старых драмах. Если это связать с христианством, то получится нечто вроде пещного действия, которое до сих пор разыгрывается в Южной Германии, в Обераммергау как остатки Средневековья. Правда, теперь они встали на капиталистическую основу. Там громаднейший театр, и

съезжается на эти представления публика со всего света, и это стало для этого округа очень доходной статьей. Мы имеем здесь любопытное явление. Мистика, религиозная мистерия, которая выросла из области натурального хозяйства, теперь перешла в область хозяйства денежного, и мало того, приобрела совершенно капиталистическую форму. Итак, факт таков, что мы имеем мистику и при мистике капиталистическую организацию, которая эту мистику обслуживает. Когда Метерлинк писал свою пьесу, он был совершенно искренним, он выражал свое мироощущение. А затем это мироощущение получило такой же капиталистический подход, как в Обераммергау получила христианская мистерия.

Я пока этим ограничусь. Я привел это для того, чтобы показать вам антитезу религии и науки, и их различный подход, и их вековую непримиримость, а также и то право на ощущение, которое имеет религиозный подход в области вопроса (не в области ответа), на который мы ответа не имеем и, быть может, и не сможем иметь.

Я хочу указать несколько обыкновенных подходов к религии, свойственных вообще человечеству, затем различным человеческим группам и затем различным научным школам. Причем должен сказать, что все выделения философских и метафизических школ религиозных я перед вами не собираюсь излагать, потому что их чрезвычайно много, и потом, они чрезвычайно непонятны и нам не нужны, по крайней мере в этой нашей области устремления.

В виде образца я приведу один анализ классификации религии, которую сделал Гегель. Подход Гегеля такой. Во-первых, это есть «естественная религия», которая делится на: а) на непосредственную религию и магию, после постепенного распада которой создаются различные религии: а) религия меры, т. е. религия Китая; б) религия фантастики, т. е. браминизм²⁰ и с) религия внутреннего бытия, т. е. буддизм. Затем идет переход от естественной религии к свободе, борьбе личности: а) религия света, это религия персов; б) религия скорби, это религия Сирии; с) религия загадки, это enigma²¹ Египта. Раздел второй – это религия духовной индивидуальности: а) религия возвышения, это религия евреев; б) религия красоты, это религия греков; в) религия целесообразности и разума, это религия римлян, и, наконец, г) религия абсолютная, т. е. христианство.

Если я раньше сомневался в том, насколько отчетливо вы понимаете мой анализ, который я даю вам, то теперь я нисколько не сомневаюсь, что то, что я читал, никому не понятно.

Во-первых, мы имеем здесь прежний христианский подход. Тут нет глубины философского объяснения. Он начинается с магии и кончает «высшей» духовной религией – христианством. Христианство, конечно, не является религией высшей и даже не является религией весьма совершенной. Я

²⁰ Имеется в виду брахманизм (примеч. сост.).

²¹ Enigma – загадка, что-то таинственное, невыразимое (примеч. сост.).

сказал бы, что и в христианстве есть шаманистический подход к религии.

Итак, мы имеем религию меры – Китай. В чем дело? Религия Китая является религией рассудочной. Конфуций построил какую-то практическую религию и старался построить совершенно без подхода мистического, вот что он хочет этим сказать.

Религия фантастики – браминизм. Это до известной степени понятно, потому что тут мифология наиболее чудовищная из всех групп религий. В этой группе – браминизме – про Шиву, Брахму и их жен создаются такие истории, такие мифы, что если вы были в нашем музее²² и видели браманистические построения, картины, иконы, например, у входа в наш музей, то, конечно, по существу, они языческие.

Религия буддизма – это религия внутреннего бытия. Вероятно, Гегель хочет сказать, что буддизм является отрицанием религии, он старается построить религию без религии, старается построить Нирвану, т. е. небытие, которое дает бытие, и кто в том бытии опять погружается в небытие по окончании мироздания. Если сопоставить буддизм с той картиной, которую имеем у Метерлинка, где души выходят из-за занавеса и уходят опять за занавес, то и в буддизме жизнь выходит из пустоты, и пустота переходит в жизнь, а потом она опять погружается в пустоту. Здесь только вместо занавеса

²² Речь идет о Музее антропологии и этнографии Академии наук (примеч. сост.).

веса – пустота.

Религия света – персы. Тут Гегель, очевидно, хочет вскрыть дуализм, потому что эта религия построена на дуалистическом принципе вечной борьбы добра и зла – Ормузда и Аримана. Фактически побеждает злая сторона, но мы повелеваем, чтобы добро победило.

Религия возвышения, это религия евреев. Этот элемент классификации я не буду анализировать, тут, конечно, подход традиционный, потому что если мы хотим представить христианство как высшую религию, то религию евреев мы должны представить как какой-то подход к этому.

Религия красоты – религия греков. Это самая понятная религия.

Религия целесообразности и разума – римляне. Тут он хочет сказать, что римская форма многобожия идет параллельно с греческой и даже в значительной степени совпадала с ней. Мы имеем Юпитера и Зевса. Представление было по одному плану с той только разницей, что греки строили чрезвычайно красиво, а римляне строили отвлеченно. У римлян были бог скромности, бог добродетели, богатства и т. д. Вот что хочет этим сказать Гегель в этом подходе, что римская религия есть религия целесообразности.

Я думаю, что сейчас этот анализ стал более понятен. Я хочу только указать, что всегда, когда мы начинаем рассматривать, то мы всегда попадаем в русло тех вопросов, которые я упоминал, то есть вопросов о жизни или о смерти, или о

существующем мироздании, конечное оно или бесконечное, или о привлечении добра и зла к делу мироздания. У Гегеля иной принцип, но тем не менее должен отметить, и вы сами видите, что даже такую отвлеченную философскую формулу иначе как в пределах этих трех групп составлять нельзя.

Вслед за этим поведу свое рассмотрение несколько иначе. Я хочу вместо того, чтобы в дальнейшем ввести рассмотрение научных подходов, дать характеристику нескольких основных подходов человеческого познания к религии вообще. Мы можем здесь различать следующие подходы.

Первый подход, самый простой, не критический, дается жрецами и верующей паствой: религия – это общение с божеством, с нездешней силой. Обыкновенно религия – это продукт божества, подкрепляемый обрядами и мистериями, которые имеют чудесный и сверхъестественный характер. Эта характеристика подхода жрецов, подхода верующих к вселенной во всей совокупности. Но это представляет лишь форму религии, а никак не научный анализ, это есть лишь материал для изучения. Сущность религии состоит из представлений и ощущений. Точно так же как для психиатра переживания больных и для врача болезненные чувства пациентов, сумма разнообразных их симптомов является не медициной, а только материалом для медицины, так же и для исследователя религии религиозные переживания и сверхъестественное объяснение религии являются объектом изучения, теми самыми условными фактами, о которых я говорил

раньше.

Между прочим, в дальнейшем развитии мы будем довольно подробно рассматривать развитие таких элементов, и надо сказать, что они объединяются общим законом стилизации, который я раскрою вам дальше. Они бесконечно усложняются, они возрастают в два-три этажа. Самый нижний – это догмат о беспорочном зачатии Христа, около которого вся христианская догматика в течение полутора тысячелетий уже связана. Это мы имеем с самого начала, около первых четырех веков. Затем начинается второй этаж: вместо беспорочного божественного и внеполового зачатия сына идет внепорочное и внеполовое зачатие матери-богородицы, около которого были споры целые тысячелетия и которое не особенно давно, наконец, в 63 году прошлого века, окончательно было утверждено папской буллой. Это уже второй этаж, который вырос, и можно привести целый ряд нарастаний этого чудесного подхода к истолкованию религиозных явлений. Этот элементарный подход – веры в чудесное – имеет несколько различных вариантов.

Вариант первый – это то, что возникает эвгемерическое толкование. Легенду о боге стараются превратить в легенду о героях, действительно существовавших, и божественный элемент заменяют силами природы. Такие описания изобилуют в религии, чем больше она приближается к нам, тем больше мы таких описаний встречаем.

Например, миф о Зевсе, который оплодотворил Даная в

форме золотого дождя, пролив над ней облако дождевое. Это описывается так, что герой, которого называли Зевс, был просто человек, и он подкупил тюремщиков золотом и так проник к Данае. Вы видите, что чрезвычайно простое толкование относительно самого Зевса. Дальше даже Эвгемер рассказывает, что Зевса видели у берегов Аравии, и после смерти он был похоронен на острове Крите, и жители города Хиоса до сих пор показывают его могилу. Таким образом, бог обращен в героя и из бессмертного стал смертным. Конечно, это подход не научный и не соответствующий действительности.

Между прочим, вопрос о смертности богов – вопрос чрезвычайно интересный, и мы будем рассматривать его, когда будем рассматривать, как явилась смерть в мир. Сначала она победила человека, а потом стала обязательной для богов. Но смерть богов в мифологии появилась не как переделка из жизни настоящих героев, а в подходе к общему вопросу о появлении смерти в мир.

Возьмем легенду о волчице. «Лупа» – «волчица» по-латыни одновременно значит и «непотребная женщина». И вот объясняет легенду эту так, что была какая-то девка, и у нее была подруга Сильвия – весталка, которая пошла по дурному пути и которая имела незаконную связь с богом Марсом и родила ему двух детей. После того как она сбежала, эта девица, ее подруга, и воспитала двух близнецов.

Интересно также, что относительно Кира там есть тоже

такое предание. По религиозному мифологическому преданию Кир был тоже вскормлен собакой, которая так же чудесно нашла его, как волчица Ромула и Рема.

Перейдем от мифологии к еврейству и христианству. Тут мы встречаем то же самое, этот эвгемерический подход. Переход евреев через Черемное море, которое перед ними расступилось. Библия состоит из двух элементов: из древнего и более позднего; и вот по более позднему мы читаем, что «гнал господь море сильным восточным ветром всю ночь, и стало море сушею». Это Исход, глава 14, стих 21. Здесь два подхода: с одной стороны, это есть чудо. Но если это чудо, то не нужно было ветра, бог приказал Моисею, он протянул бы свой жезл, и море расступилось бы, но если ветер гнал, то сделать еще шаг – и чуда не будет, потому что какое же чудо, раз ветер гнал. Это очевидно эвгемеризм, попытка объяснить чудо каким-то естественным явлением. И в богословии XIX века этот подход продолжается еще дальше. Мы даже имеем такое объяснение, что евреи будто перешли море потому, что они знали брод, когда во время северо-восточного ветра море осушалось.

Надо сказать, что эвгемеризм не исчез и до современности. Я указал уже, что и в современном богословии эта попытка объяснить чудесное каким-то естественным методом остается в полной силе. Я сошлюсь на тот симбиоз, который религия хочет сделать с пантеизмом и геологией, что мироздание совершилось в 6 дней, и как-нибудь эти 6 дней подо-

гнать к геологии, предполагая, что эти 6 дней есть 6 геологических периодов, которые продолжались, каждый из них, много тысячелетий, десятки и сотни тысячелетий. И если это так, то нет никакого чуда, что бог сотворил мир.

Это есть попытка чудесные явления связать вместе с естественными явлениями. Это делает также и наука.

Сказания о Полифеме, гиганте, циклопе, который отрывал скалы, или о титанах-великанах, которые якобы могли нагромождать горы, обязаны своим происхождением несомненно чрезвычайно развитой вере в силу у великанов. В преданиях о великанах и гигантах эти образы получеловеческой, полубожественной сверхъестественной силы построены так, что люди наблюдали великанов, необыкновенных силачей, и воспоминания об этих силачах получили в мифологии подход, конечно, чисто естественный.

Есть еще попытка объяснить дарвинизм так, чтобы было и научно, и божественно. Вспомним современный знаменитый «обезьяний» процесс в Америке, где судили Джона Скоупса за то, что он объяснял, что человек произошел от обезьяны. Правда, этот процесс пошел ему на пользу, так как он сделался знаменитым в Америке и сделал на этом процессе деньги.

Итак, мы имеем два подхода: первый момент – это подход либеральный и момент второй – подход революционный.

Второй подход – это подход элементарного отрицания религиозных явлений и выставление в виде антитеза к преды-

душему подходу безбожия. Корень безбожия имеет тоже чрезвычайно древний характер, оно восходит к отдаленной эпохе, к самому началу религии. Не только наука вечно воевала с религией, но и в религиозном анализе постоянно был момент отрицания, момент элементарного атеизма, не только деизма, но и атеизма. Это есть чрезвычайно древний подход к объяснению религии, и атеизм – это тоже есть религиозная система. Гностицизм еще можно исключить как религиозную систему, но атеизм, который говорит, что ничего нет, – это тоже религиозный подход.

Надо сказать, что среди первобытных народов, среди которых мне приходилось бывать, как, например, чукчи и эскимосы, наряду с шаманами, которые погрязли в гуще обрядов, мне приходилось встречать таких мыслителей, которые на основании здравого смысла и личного опыта говорили, что ничего такого нет.

Я имею в виду одного человека, который открыто показывал на свою открытую грудь (чукчи ведь всегда увешиваются амулетами, а у него их не было). Он говорил: как амулет может защитить меня, я – большой, а он – маленький, как же он может защитить меня?! Это выдумка. Вот вам подход отрицания.

Я укажу еще на Вольтера в XVIII веке, которого нельзя называть атеистом, так как он все же был человек религиозный, но все же, в конце концов, он был атеист, так как у него к религии был подход именно такого элементарного отрицания.

Его известная формула для религии: «Écrasez l'infâme» – «раздавите гадину». И это формулировал человек, который был одновременно атеистом²³ и тем не менее говорил о религии как о вредной гадине.

Нельзя отрицать, что элемент обмана испытывается верующими и играет в явлениях религии значительную роль. Мало того, я сказал бы, что обман сочетается с самообманом: толпа влияет на жреца и создает настроение, а жрец влияет на толпу и внушает то настроение, которое у него создалось, так что тут происходит взаимный своего рода психоз. Когда мне приходилось изучать шаманство, то я видел, что элементарный подход шамана такой, что шаман не идет шаманить без толпы, если толпа не дает отклика, то шаманское настроение не может развиваться. Я вначале не знал, что такое чукотское шаманство, но я был хозяином, на мои средства все это устраивалось (видите, тут экономический подход), и я должен был предводительствовать, делать выкрики, а за мной лежали 10 чукчей, они давали сигналы и за мной выкрикивали. Я тогда еще не знал, как надо делать, и безнадежно срезался, так как делал выкрики не тогда, когда нужно, и процесс не удался. Если шаман воющую паству не подчинит своему настроению, то он не может создать у себя такого подъема. Так же каждый, кто присутствовал на молениях сектантов, знает на опыте массовую силу их возбуждения. Так, кружения скопцов, хлыстов, которые вызывают в

²³ В тексте оговорка – вероятно, должно быть *религиозным* (примеч. сост.).

них необычайный подъем.

Область религии тесно переплетена с истерией. Во всех этих кружениях и похожих обрядах участвующие являются прежде всего истериками и истеричками. Хотя мы истерию еще по-настоящему медицински не изучили, но тем не менее известно, что истерия всегда соединяется с обманом и ложью. У истериков и истеричек есть стремление к выдумке и переплетению фантастических и навязчивых мыслей, и это сочетание обмана и самообмана является для них нормальным, естественным состоянием. Между прочим, когда мне приходилось наблюдать шаманство, то я постоянно поражался той внутренней истерии, которая у них была и которая обнимает и себя, и других, и ты перестаешь различать, где обман и где самообман. Как типичный пример приведу такой: бывают шаманы женского типа, то есть мужчины, превращенные в женщину. Имеете вы представление о том, что такое превращенный мужчина? Дело в том, что в шаманстве есть половой момент, и мужчина становится женщиной, и наоборот. Даже имя берут, относя себя к женщине. И вот я знал такого шамана. Он должен был как-то в доме у меня шаманить, и должен был сидеть двое суток на каменном берегу, и не мог, и пришел в ужасающе нервное состояние, он не мог сидеть и все время ходил по дождю и ветру. Я спросил его: чтобы ты сделал, если бы перестал ходить? – «Вероятно, зарезался». И вероятно, что он это сделал бы. Между прочим, этот человек демонстрировал явление кровавого пота –

может быть, то же явление, когда «Христос молился, и пот кровавый с чела потоками бежал». У шамана тоже есть такое явление. Один раз я был свидетелем, когда человек пришел в такое возбуждение, что, действительно, на висках у него выступила кровь, маленькая капелька, собственно, не крови, а сукровицы. Такое же явление, как стигматы, которые бывают у женщин, которые думают о страданиях Христа, о его язвах и у которых мысль о страдающем божестве вызывает это потение кровью. Второй раз я видел шамана, который тоже потел кровью, и у него кровь была и около висков, и около рта. Я до сих пор не знаю, откуда действительно шла кровь; есть основание [предполагать], что она шла из носа, но, с другой стороны, такая нервная организация может дойти до истечения кровавым потом у висков.

Так что ясно, что религия связана с элементами обмана и самообмана, но раз я говорю вместе и обмана, и самообмана, то это уже момент коллективный. Следовательно, я уже ввожу момент коллективный – взаимодействие жреца и паствы. Раз это так, то ясно, что просто отвергать религию как обман нельзя, это не есть анализ религии. Сказать, что есть религиозный обман, – это значит не сказать ничего. Это не обман, а это условные факты, которые подвержены научному анализу. Я могу здесь привести известное определение: «В настоящее время религия является не чем иным, как фантастическим отражением во вне людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни и

которые принимают сверхъестественный характер» – это из «Анти-Дюринга» Энгельса.

Прочитую из «Капитала» Маркса: «Религиозный мир есть только рефлекс²⁴ реального мира».

Если вы вскроете сущность этого анализа, то вы найдете, что он совпадает с тем, что я вам раскрыл. Это его основная сторона, что религиозные явления есть отображение нашего ощущения реального бытия, которое мы отражаем в фантастике и сочетаем в какой-то воображаемый мир. Это есть совокупность тех же самых фактов, которые в том или ином ракурсе соответствуют фактам естественным. Это один из элементов научного подхода к религии, который вполне совпадает с тем подробным анализом, который я дал вам раньше.

Как пример приведу следующее. Вопрос о единобожии, это один из немногих примеров. Дело в том, что миссионеры и путешественники по ряду данных нашли, что у очень первобытных народов есть вера в какого-то единого, главного, центрального бога, и по этому поводу в течение трех веков идет ожесточенная полемика между первым и вторым подходом. Религиозные люди говорят, что это остаток единобожия, которое сохранилось у язычников через всю толщу их языческих заблуждений. Это подход христианский. Люди ученые, позитивисты, говорят, что это выдумка, что ни-

²⁴ В современном переводе – «религиозное отражение действительного мира». См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч... 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 90 (примеч. сост.).

какого понятия об едином боге у язычников нет, а что просто это миссионеры им это показали или они заимствовали у христиан. Но теперь в XX веке эти оба представления откинуты и доказано, что, действительно, у первобытных народов есть представление о главном боге и такое представление об едином боге. Тут дело не в количестве, а в подходе к ним. Еврейскую религию называют монолатрией, потому что это есть поклонение единому богу. А у первобытных людей мы видим поклонение, действительно, центральному богу, и это на самой первобытной стадии религии, это, может быть, подход даже дорелигиозный, тот, с которого начинается религия. Между прочим, скажу, что этот высший бог у первобытных людей всегда бог отставной, бог ушедший на десятое небо, бог от человека отошедший, бог прошлого. Я могу представить много доказательств из этнографии, что этот бог стоит сзади, а не спереди. Это не христианский бог, не еврейский бог, а совсем другой бог. Это есть противоположение между подходом религиозным, жреческим, и подходом отрицательным.

Третий подход к объяснению религии имеет более научный характер. Последнее поколение этнографов – Тейлор, Спенсер и другие – рассматривают религию как процесс мыслительный. Они представляют религию как разновидность науки и считают, что религия вытекает из сновидений. Человек засыпает и во вне видит различные странные образы, чудовища, покойников, попадает в различные

места, небывалую фантастическую обстановку, а когда просыпается, то видит себя на том же самом месте и отсюда заключает, что его душа выходила из тела. Он пытается как-то объяснить сновидения и отсюда выводит религию. Ясно, что этот подход пытается подвести под религию научное основание. В тексте говорится: «Видимо, мысль людей, стоящих на низкой ступени культуры, более всего занимали две группы биологических вопросов: первое, что составляет разницу между живым и мертвым телом, и второе, что такое человеческий образ, представляющийся во снах и видениях»²⁵. Человек спит, во сне видит различные видения, просыпается и, таким образом, в объяснение того, что он видел во сне, строит для этого религиозную систему в порядке прояснения этих явлений. Надо сказать, что логически такой подход к анализу религии является вполне устарелым.

Подход к анализу общественного строя такой. По школе Руссо, это есть договор с народом. А еще древнее, по школе Гоббса, государство, как и религия, возникло сознательно из договора народа с представителями власти. На самом деле у народа с государством не возникало такого договора. Между прочим, Фрезер отмечает, что, по его мнению, религия рассматривается как своеобразная первобытная наука и религия является суррогатом науки по отношению к тем проблемам, которые относятся к области недоказанной. Здесь мы

²⁵ Тейлор. «Первобытная культура». [Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1989. С. 213.]

имеем смешанную религию с наукой, которую я с самого начала категорически отбросил. Если объяснять религию снами, то надо сначала дать объяснение сну. Нельзя дать такое объяснение, что человек отдыхает во время этих снов и видит видения случайные и странные и из этих видений строит религию. Это не есть объяснение. Надо дать анализ сновидения, который до сих пор не сделан.

Современные этнографы-социологи рассматривают сны как явление социальной психологии, явление, вытекающее из комплекса человеческого бытия и распадающееся по определенным законам. Я имею в виду указать на анализ, произведенный школой Фрейда и его учениками, о том, что сон и миф есть явления между собой сопоставительные и что сон отдельного человека – это есть то же самое, что миф народа. Миф народа – это есть коллективный сон. Можно было бы сделать ряд сравнительных сопоставлений, отчасти из книги Абрагама «Сон и миф»²⁶, отчасти из науки. Собственно, как сны развиваются? Сон развивается так, что обыкновенно, прежде всего, все они активны, все сны, это драматическое представление. Гексли, великий физиолог XIX века, сказал, что сны до такой степени драматичны, что самый большой дурак во сне является лучшим драматургом, чем Шекспир наяву. Каждое деяние во сне развивается драматически и развивается в действие. Каждая первобытная религия драматична. Каждый шаман по существу актер. Мы зна-

²⁶ Абрагам К. Сон и миф: очерк народной психологии. М., 1912 (примеч. сост.).

ем, что театр появился чрезвычайно рано и появился из таких религиозных представлений. Греческий театр восходит до бронзового века и даже, может быть, до палеолита.

С другой стороны, можно анализировать сон навязчивой идеей. Какое-то чудовище, какой-то враг все время подбирается к вам, вы от него скрываетесь в какую-то страну, а он все время пробирается, и, когда должен напасть, вы пробуждаетесь, а если опять засыпаете, то опять происходит такое нападение. Это чрезвычайно важная типология сна, эта навязчивая идея о враге. И в то же время это есть представление, разыгрывание, враг нападает, вы скрываетесь, и наконец – момент крушения. Вероятно, каждый из вас имел такие сны, и мы имеем ряд мифов такого же типа. Чрезвычайно распространен миф о магическом действии, о превращении юноши в дракона (рассказ о драконе-чудовище). Это та же самая навязчивая идея и искусное представление, что имеем и во сне. Я имею в виду легенду о епископе Гаттоне, которая состоит в том, что в Средние века во время голода какой-то епископ решил голодных уничтожить, собрал их вместе и сжег. Оказалось, что это были голодные мыши, которые уничтожали хлеб в округе, – таким образом, он их уничтожил. Очевидно, это было превращение людей в мышей. Затем мыши решили ему отомстить, он спрятался в башню, но мыши перегрызли каменную оболочку, добрались до него, и кончилось тем, что мыши его съели²⁷. Тут опять враг преследует и мучает.

²⁷ См. балладу В. А. Жуковского «Суд божий над епископом», сюжет кото-

Приведу, между прочим, цитату из «Бориса Годунова»: сон Гришки Отрепьева, монаха, который видит во сне, как его возводят на башню, на высоту, и что его окружают люди и смеются над ним, и затем он падает с этой башни вниз, и каждый раз пробуждается, но засыпает, и опять ему этот сон снится.

Между прочим, я имел со Львом Яковлевичем [Штернбергом] диспут по этому поводу. Я говорил, что если сон и миф совпадают, то тут должен быть тройственный момент, так как число три во всех религиях играет огромное значение, вплоть до христианской троицы, так что во снах и мифах все повторяется три раза. Это повторение во сне я как раз усмотрел в «Борисе Годунове» у Пушкина – Гришка Отрепьев видел этот сон три раза. Это число три, мифологический подход ко сну, еще крепче связывает сон и миф вместе. Мифы, таким образом, являются снами коллективными. Хотя это и есть часть нашего религиозного материала, но объединение сна и религии делать нельзя. Правда, есть сны вещи, которые имеют большое значение в религии (и мы их потом введем в наш анализ религии), но все же считать сон источником религии – это объяснять причину последствиями.

Религия, несмотря на свою связь со снами, родилась совсем не во сне, а наяву. Я уже говорил, что религия – это есть

рой был почерпнут Робертом Саути из средневековых преданий об архиепископе Гаттоне из Метца (начало X в.), известном своей скупостью (примеч. сост.).

мироощущение. Первобытный человек окружен опасностями, хищными зверями, чудовищами в лесу, и отсюда рождается представление о сверхъестественных, несуществующих силах. В сущности, между ними нет никакой разницы. Леопард и злой дух оба предательски прячутся во тьме, и оба незримо бросаются на свою жертву. Правда, полет леопарда можно видеть, а полет духа невидим, но так же и дух, и леопард убивают свою добычу и сдирают шкуру. С другой стороны, шаман тоже убивает духа и также сдирает с него шкуру.

На реке Колыме бывали такие охотники, которые ловили в проруби водяного деда, так как у него шкура толстая, и из нее можно сделать хорошие сапоги.

Чукотские шаманы тоже во множестве убивают духов. Духи облепляют шамана, как мухи, как комары, и чем ближе к юрте, тем их меньше, чем дальше, тем их больше. Шаман ловит их в бубен и затем бросает в огонь, и они сгорают. Духи у них представляются в виде фантастических образов комаров и мух. И это представление мы встречаем не только у первобытных шаманов, но и у современных. Такое же представление, что если черта закрестить, то он убегает и оставляет человека в покое.

Между духами и зверьми нет никакого различия. Первобытный человек чувствует панический ужас перед теми силами и вовсе не нуждается во сне, нужна только темнота, населенная такими же странными и хищными образами, кото-

рые наяву родились. Оказывается, наоборот, все эти странные образы, которые являются во сне, взяты из яви. Чудовища, которые человек видит во сне, они из яви. Таким образом, сон является результатом, а не первоисточником этих образов. Идя дальше, вы увидите, что я дам подробный анализ того, как первобытный человек постоянно окружен духами, для него все мироздание кишит этими душами, комарами и мухами, и защищается он от них религиозными действиями. Между прочим, главной элементарной защитой от диких зверей и одновременно от духов служит огонь.

Я расскажу вам следующий случай из моего путешествия по Северу, про одного моего спутника. На Севере нет никаких зверей и бояться нечего, так как волки на людей не нападают, а медведи спят в своих берлогах, но тем не менее там человек не останется ночевать в поле без огня и заклинаний, потому что нападают духи. Огонь является для северного жителя охраной. Я путешествовал, таким образом, по Северу, мы ходили на охоту, и у меня был чукотский помощник, который у меня в доме даже жил и в конце концов там и умер. Он, между прочим, дал мне все это знание, которое я воспринял этнографически. Мы ехали на лодке, а он шел вперед пешком и всегда обгонял нас на десятки верст, и вечером разводил костер, и мы приезжали на готовое. Один раз мы идем на собаках, впереди заблистал огонь, видим, что слишком большой костер. Подошли ближе. Оказывается, четыре костра. Видим, что он сидит и бодрствует, ружье на за-

готовке и взято на прицел. Что такое случилось? Как идти? Мои спутники остальные, как это увидели, испугались и отказались дальше идти – пожалуй, застрелит, и вообще видно, что что-то неладно – очевидно, там есть духи. Все мои спутники, как русские, так и чукчи, испугались и говорят мне: «Ты свой человек, ты и подходи». Я стал обходить кругом. Вижу, что у него глаза блестят, я обошел сзади и взял его за плечи. Он вздрогнул и пришел в себя. Я понял, что духи приступали к нему. Он был богатый человек, и у него семья в два дня вымерла, он остался один, и духи являлись к нему и требовали, чтобы он стал шаманом (потому что дух, когда является, то требует, чтобы человек стал шаманом), иначе они накажут его. Он им отказался дать спирт раз, сам распил половину и поэтому духи являлись к нему и обступали, а он защищался от них огнем. Дело в том, что мое изложение страдает такими свойствами, что оно является чересчур подробным, но, с другой стороны, я не рассказал даже половины того, что имел рассказать. Но, очевидно, лучше идти вначале подробнее, для того чтобы мы получили достаточно обоснованный корень. Мало того, при внимательном рассмотрении фактов мы видим, что само мышление первобытного человека отличается от нашего.

Лекция третья. 3/XI 1927 г.

Тезисы

Объем религии. Современный подход. Вопросы без ответов. Три серии вопросов. О человеческой жизни. Учет рождений. Где смерть, зачем смерть? Есть ли бессмертие? Волевой момент. Хочу, чтобы было бессмертие. Жажда бессмертия. Вся практическая и политическая жизнь есть бессмертие.

О мироздании. Откуда мир? Создание и создатель мира. Конечность и бесконечность в пространстве времени. Начало создания мира. Граница вселенной. Относительно бесконечности и вечности.

Телеология (целевая установка). Зачем существует мир? Зло и добро. Ошибки мироздания. Человеческий суд над мирозданием. Цель и смысл жизни. Религия не есть знание. За пределами знания. Антиномия (противопоставление). Религия и поэзия – одинаковый подход.

Религия – мироощущение. Лозунг: «Верю, потому что верится». Наука – миропонимание. Лозунг: «Понимаю, ибо знаю и логически связываю».

Уподобление религии. Человек создал бога по своему образу и подобию.

Подходы к религии:

1. Подход некритический. Религия – чудо, общение с божеством.

Варианты:

а) Компромиссный вариант. Объяснение чудес силами природы, богов – рассказами о древних героях – эвгемеризм (от философа Эвгемера).

В современной теологии 7 дней мироздания – 7 геологических эпох.

2. Вариант твердолобый, ожесточенный. Лозунг: «Верю, потому что нелепо». Американский процесс против Дарвина (обезьяний).

б) Подход отрицающий. Атеизм (безбожие).

Первобытный атеизм здоровых нервов и здравого смысла: богов и духов никто не видел.

Атеизм современный. Религия – мракобесие. Лозунг Вольтера: «Раздавите гадину».

Атеизм как своеобразное религиозное учение. Уверенность, что нет богов и чудес.

Возражение – мир (существует без бога, без богов) есть непрерывное чудо.

3. Подход отстраняющий. Агностицизм (непознавание). Лозунг: «Религии не знаю, ибо вне пределов познания». Наука прибавляет: «Не знаю и знать не хочу».

Теперь с этих философских высот мы должны спустить-

ся на землю. И так как мы изучаем эволюцию религии, то должны подойти к началу религии и в первобытной культуре, и в начале человечества. По нашему методу, который мы приняли в изучении материальной культуры и в этнографии, надо начать с животных, с подхода зоологического и потом с археологии. Значит, нам надо поставить два вопроса: 1) есть ли религия в зоологическом мире и 2) есть ли религия в глубокой древности, например в начале неолита?

Вы помните, что, анализируя материальную культуру, например изучая жилища, говорили, что люди строили гнезда, норы, что являлось зоологическим подходом к жилищу; изучая хозяйственные формы, мы ставили вопросы о запасах, о животных, о копании корней, о запасах корней, причем даже устанавливали симбиоз (люди собирают из мышиных гнезд корни), так что человеческое хозяйство является продолжением зоологического. И с этой точки зрения надо поставить вопрос – есть ли у животных религия, есть ли у них религиозное ощущение, есть ли у них обряды.

Я начал с того, что вопрос методологический нам представляется и не может не представиться. Некоторые факты, хотя и скудные, у нас есть. Если взять животных, разделить по группам, от менее возбудимых до более возбудимых, а поскольку религия есть мироощущение, то надо искать ощущение мира у тех животных, которые более всего темпераментны и возбудимы. Такими животными являются птицы. Возьмем певчих птиц. Если вы сопоставите молчаливых жи-

вотных, выражающих свои ощущения только криками боли, страха, гнева, и т. д., с птицами, которые воспевают восход солнца непрерывным щебетанием и пением и все время, в особенности утром, в полдень и вечером, угощают нас концертами, то надо поставить вопрос – что это такое? Как бы на птичье пение не смотрели, но, вероятно, здесь выражается ощущение, которое они имеют от мироздания, от природы, на них влияющей.

Затем если от птиц перейти к животным, то надобно выделить хор ревунов. В пример можно привести американских обезьян, которые собираются большими группами и в определенное время суток выражают свои ощущения непрерывным ревом.

Теперь если пойти от мира ощущений к чему-то более реальному, то мы увидим, что религия в значительной степени основана и связана со страхом смерти. У животных мы можем с несомненностью констатировать страх смерти. У всех животных есть страх смерти, ибо в этом – основа бытия и индивида и вида. Но у некоторых животных мы можем засвидетельствовать страх смерти, имеющий религиозный характер, то есть не страх нападения в каждом данном случае, а страх смерти вообще. Можно указать на страх смерти у домашних животных, затронутых культурой и вместе с нами подвинутых на пути иных ощущений, на пути мышления. Возьмем быков, лошадей, овец – у них существует совершенно определенный страх смерти. Например, когда бык проходит ми-

мо места, где два дня тому назад был резан скот, он останавливается и в ужасе мычит. Так как этот страх смерти коллективный и есть не страх нападения или защиты, а скорее имеет форму более или менее подходящую к мироощущению, то, по нашему суждению, это есть область религии. Затем, есть указания более серьезные: у целого ряда животных есть кладбища. Надо сказать, что у травоядных животных и вообще у всех тех животных, которые являются добычей для хищника, у них нет естественной смерти, все олени, лоси, обезьяны и так далее, не умирают естественной смертью, и могилой для них является желудок хищника. Тем не менее есть ряд животных, которые либо по своей силе, либо потому, что они для пищи не употребляются, погибает естественной смертью. У таких животных, как медведи, слоны, есть свои кладбища; у моржей, по-видимому, были. Например, сейчас есть рассказы охотников-туземцев, что где-то внутри Африки есть такое место в чаще, куда приходят слоны, и во множестве, и один за другим погибают. На этом месте есть заморенная слоновая кость. В XVIII веке, когда одному искателю слоновой кости посчастливилось найти такое место, он увез оттуда десятки тысяч пудов кости. Это можно было бы считать за нечто вроде предания. Но в другом конце Европы есть такое же предание о медведях в Беловежской пуще. Я делаю литературную ссылку на Мицкевича «Пан Тадеуш». Там описывается, как в глубине Беловежской пущи медведи сходятся на кладбище. В отношении моржей я могу

сослаться на акт казачьей отписки правительству во время завоевания Сибири в XVII веке, откуда мы узнаем о мертвых лежбищах моржей, где собирали замороженный моржовый зуб. Это уже ссылка не литературная, а историческая.

Продолжая наш анализ, надо сказать несколько слов об ощущениях животных в направлении мироощущения и в направлении богопочитания в области культуры. Я говорю, конечно, о собаке. Вы знаете, что отношения собаки к человеку какие-то иные, она смотрит на него как на существо сверхъестественное (в собачьем смысле), то есть превосходящее всякую силу, свойственную собакам, и ее отношение к человеку может быть такое, как первобытного человека к своим духам. Всем известно множество примеров, как собака, не щадя жизни, погибает за своего господина, как она погибает на могиле у господина, мало того, как она выносит удары и даже смерть и в то же время лижет ему руки. Если вы вдумаетесь вообще в наш подход к изучению религии, то эти элементы мы не можем назвать иначе как элементами религиозными, потому что тут нет преданности естественной (для естественной преданности эти факты чересчур выдающиеся), очевидно, здесь есть элементы подхода собаки к человеку, как к существу высшего разряда, то есть, существу сверхъестественному.

После этого анализа перейдем к анализу археологическому и поставим два вопроса: 1) есть ли в современности народы безрелигиозные.

В XVIII и XIX веке много раз пытались дать на это отрицательный ответ. Сейчас эти ответы нами отброшены, ибо они не соответствуют фактам. Точно так же, как нет народов без огня, нет и народов без идолов, без амулетов, без обрядов и, наконец, без магии, без шаманства и колдовства. Можно привести в пример огнеземельцев, считавшихся, по данным экспедиции 1886 года, народом, у которого нет ни обрядов, ни какой бы то ни было мифологии, а раз нет мифологии, значит, вероятно, нет и мифологических существ. Тем не менее новая экспедиция не только засвидетельствовала у них существование обрядов, но и сняла фотографии с их религиозных плясок и даже привезла ряд религиозных амулетов. Значит, существование религии, существование каких-то религиозных форм у огнеземельцев совершенно установлено.

Если мы будем решать этот вопрос археологически и посмотрим, существуют ли в нижних слоях доступного нам археологического мира религиозные элементы, например в палеолите, то увидим, что с начала XIX века, во все течение XIX века, археология была склонна отрицать существование религии в палеолите вообще. Теперь этот взгляд совершенно отброшен, вследствие того что в палеолите найдены чрезвычайно многочисленные следы, всякие остатки религии, так что мы можем охватить их изучением. Во-первых, найдены погребения. Что это значит? Если тело выбрасывается, оставляется в тундре или в лесу, то его съедают дикие звери,

и от тела ничего не остается. Если же в слоях мы находим целый человеческий скелет, в особенности более или менее правильно расположенный (например, лежащий на боку или с подогнутыми ногами), то ясно, что тело было погребено, мало того, оно было закопано, ибо иначе его растаскали бы звери. Кроме того, в различных местах в позднем палеолите мы находим эти самые скелеты, посыпанные охрой (охра использовалась для религиозной раскраски трупов, существующей и сейчас у разных народов), находим различные ресурсы, которые раньше рассматривались просто как изображения, а теперь вполне установлено, что это для охотничьей молитвы. Рядом с этим в палеолите мы находим настоящие храмы-пещеры (так как это пещерный век), где происходило какое-то служение. В 1912 году была найдена одна пещера с тремя фигурами бизонов, вокруг которых была канавка, выдолбленная, как оказалось, человеческими пятками. Очевидно, вокруг этих бизонов плясали на пятках. Другая пещера (религиозная камера) была найдена в 1923 году с фигурой медведя. Очевидно, там была стилизация медвежьего обряда такая, какая встречается у сибирских народов.

Мало того, в палеолите мы находим и амулеты, множество мелких резных изображений, фигурок, которые очень напоминают фигурки чукотских, эскимосских и других первобытных народов. С одной стороны, они были выражением религиозного подхода, а с другой стороны, художественного.

Далее, мы встречаем в палеолите шаманов, сверхъесте-

ственные фигуры, которые изображают, очевидно, духов. Таким образом, в палеолите мы находим целый ряд следов, свидетельствующих о том, что у людей был религиозный элемент. И хотя остатки религии палеолита только материальные (идейные представления о богах не могли окаменеть, и мы их иметь не можем), тем не менее эти материальные остатки настолько близки к тому, что мы имеем сейчас, что можно провести параллель.

Таким образом, мы должны признать, что религиозный элемент в палеолите существует, правда, в среднем палеолите. Относительно нижнего палеолита мы знаем очень мало. При исследовании его не было найдено никаких материальных остатков, связанных с религией. Если исходить из этих раскопок, то приходится признать, что религия родилась между эпохой питекантропа и ориньяком²⁸.

Этот вывод, который мы делаем из археологии, проверяется при анализе современных религиозных элементов у первобытных народов. Здесь мы находимся в несколько ином положении, чем при анализе палеолита, потому что в палеолите мы имеем только материальные остатки, которые кладем в основу изучения, и уже оттуда восходим к их идеям и представлениям. В современности (правда, очень древних форм мы не имеем, это относится к периоду раннего неолита) мы, кроме материальных элементов религии, имеем

²⁸ Эпоха питекантропа – период среднего палеолита. Ориньяк – археологическая культура верхнего палеолита в Западной Европе (примеч. сост.).

также религиозные идеи и представления, причем эти идеи и представления, хотя и в неолите, но чрезвычайно древнего происхождения.

Я в прошлый раз упоминал об особенном чрезвычайно сильном консерватизме религии. Таким образом, если мы в современной религии находим остатки анимизма, то в древнем анимизме, скажем в анимизме первобытных народов, мы точно так же находим остатки гораздо более древние. Поэтому на основании консерватизма религии и на основании этого сравнения мы можем рассчитывать среди современных, более первобытных народов, выделить наиболее первобытные религиозные элементы, из которых когда-то родилась религия.

Таким образом, наше дальнейшее изучение должно идти к выделению среди первобытных народов, находящихся на стадии раннего неолита, древнейших элементов религии, которые составляют ее начало. Это первое.

Теперь второе. В религии мы имеем элементы материальные и элементы имматериальные, элементы духовные. Но так как религия, в отличие от многих других частей культуры, есть стремление к познанию невидимого и неизвестного, то мы не можем начать анализ религии с материальных ее частей: с амулетов, обрядов, фетишей и т. д., а должны прежде всего установить нашим анализом начало религиозного подхода. А раз религиозное стремление есть стремление изучения непознаваемого, то этот же элемент мы долж-

ны найти и в самом начале, в основании религии.

Таким образом, мы будем анализировать религию, которая начинается с невидимого, со страха перед невидимым, с почтения перед невидимым и потом постепенно, в порядке развития обрastaет видимым. Значит, амулеты и т. д. – материальная часть религии – это есть явление более позднее. Далее, в изучении религиозных идей вообще, по общему закону изучения первобытных идей, мы должны идти от неопределенного к определенному. Таким образом, методически мы не можем начать с духов, с души, с фетишей, а должны начать с общего ощущения мира, которое дает как матрицу более точные религиозные формы. Тем не менее я начну этот анализ не с общих идей, а с анализа идей практических, ибо человеческое бытие даже в самом своем первобытном начале, даже зоологическое бытие – оно построено для известных практических целей. И для того, чтобы иметь в начале своего анализа твердую почву, я начну с выделения, правда, неопределенных элементов, но элементов практическо-религиозных, и только потом перейду к выделению элементов идеологическо-религиозных. Если вы возьмете самый неопределенный подход к религии, вы увидите два элемента: 1) элемент помощи и 2) элемент запрета.

Элемент помощи и элемент запрета – это есть основные практические элементы религии, и мы можем их выделить без связи с каким-нибудь определенным духом.

Если взять элемент запрета, то это так называемое «табу».

А элемент помощи – это есть так называемые «фарт», «везет», «удача», которые связаны с их антиномией – неудачей.

Что такое помощь? Это такой момент, когда мы имеем какое-то воздействие, помогающее нам в охоте, в делах и т. д. И на основании того, что существует постоянная связь основных религиозных элементов современности и первобытности, совершенно достаточно выделить элементы помощи и элементы запрета не только в период неолита и раннего железа, но даже в современном мире, потому что хотя наша психология отличается от психологии первобытной, но, в конце концов, ничем не отличается: в основе наших религиозных представлений до сих пор живут элементы весьма первобытные.

Если мы возьмем «везенье» и «удачу» как таковые, то среди современных людей, не только религиозных, но безрелигиозных, противорелигиозных и равнодушных к религии (а значительная часть культурных слоев должна быть признана равнодушной к религии), то такие элементы, как «удача», как «фарт», в современном бытии часто имеют место. В каждом рискованном предприятии, которое таит в себе опасность или неверную удачу, мы всегда имеем элемент сверхъестественной помощи. Для примера приведу ряд пословиц. Говорят: «Везет в карты, не везет в любви». Что значит «везет» и «не везет»? Это подход вне прямых представлений о религии, здесь нет ни бога, ни духа, ни Писания. Здесь есть «фарт», есть какая-то струя, и если вы ее подхва-

тите, то будете иметь удачу. Кто играл в карты, тот знает, что не только есть такая струя, но что она, кроме того, определенно ни с чем не связана, а если и связана, то только с чрезвычайно первобытным, амулетным элементом. Известно, что, если вы хотите обеспечить себе «фарт», вы кладете веревку повешенного в карман – это есть материальная ценность, точно так же как амулет. Или есть такое поверье, перешедшее из Индии в Англию, что для любовной удачи надо держать в кармане безглазую рыбку, сделанную из нефрита, особым образом заколдованную. Это есть элемент удачи, элемент фарта, хотя не опирающийся ни на каких духов, и тем не менее это есть элемент религиозный, ибо это элемент сверхъестественного воздействия и сверхъестественного подхода к нашей жизни. Значит, мы видим, что есть «удача», «фарт» (на золотом промысле, на охоте и так далее), которые можно обеспечить: 1) амулетами и 2) обрядами (например, в кармане надо держать шиш).

Рядом с этим существует запрет (табу). Что такое религиозный запрет? Это опять-таки совершенно неопределенное «нельзя», «запрещено». Кем запрещено, почему нельзя, этого мы не только не знаем, но и знать не хотим. Из этих запрещений одни не имеют совсем никакого подхода – просто запрещения, а другие довольно сложны и связаны с духом. Тем не менее хотя запрещения связаны с духом или идут от бога, но наше восприятие их не имеет в себе божественного элемента. Например, пост, нельзя есть скоромного в пост. С

одной стороны, если мы начинаем разбирать основы этого запрета, мы наталкиваемся на довольно сложный подход. С другой стороны, мы совсем не знаем, не думаем о том, кто, что и как запретил, мы просто воспринимаем этот запрет как нечто повелительное, что нельзя нарушать. Причем эти запреты есть не только в области религиозной (пост), но и в области социальной, в области социальных предрассудков. Например, не только нельзя есть скоромное в пост, но нельзя есть лошадей, лягушек. А почему нельзя есть лягушек – этого вы не докажете. Вот французы едят лягушек и очень хорошо едят. У нас же есть не только запрет для этого, но, кроме того, наше внутреннее ощущение есть противоположатель. И вы видите, что запрет в состоянии влиять на наш организм и даже вызывать извержение пищи. По этой линии идет запрет. В нем есть элемент религиозный и элемент якобы физиологический, но тоже происходящий от сверхъестественного подхода, потому что запрет есть лягушку, зайца, лошадь, имеет в своей основе либо анимизм, либо тотеизм – поклонение животным. Для пояснения приведу несколько примеров. Табу – это есть религиозное предписание запретительного характера, причем предписание совершенно конкретное. Табу существует у разных народов, как у множества первобытных, так и у современных. В сущности, современные табу, хотя и не такие сильные, но чрезвычайно реальные, и их много. Некоторые табу у полинезийцев такие, что их можно понять, например табу о запрещении

есть незрелые кокосовые плоды, незрелые початки кукурузы и так далее. Причем запрет религиозный, и нарушение этого запрета карается смертью.

Другая форма социальная: не только запрещено, не только возлагается религиозное наказание, но и наказание социальное. Например, нарушение этих правил карается смертью от общества или от вождя. Эти продовольственные табу нам понятны.

Другие формы табу такие, скажем: вождь к чему-нибудь прикоснется, войдет в дом – все это становится святым, все становится табу, начиная с того, что на него нельзя смотреть и все подданные должны падать перед ним ниц. Эти запреты нам станут понятны, когда мы дальше станем анализировать происхождение классов и происхождение политических форм.

Но есть ряд табу совершенно непонятных, и человеческий ум вовсе не ищет их объяснения: достаточно, что есть запрет и надо его соблюдать.

Дальше я приведу ряд запретов современных. Я говорил, что нельзя есть зайца, конину, лягушек, хотя никто не сказал, что бог за это покарает. Я упоминал также о том, что определенного рода пища может вызвать отвращение к еде (например, блюют от лягушки, или, когда благочестивые евреи поедят осетрины или икры, запрещенных моисеевым законодательством, то некоторые доходят до извержения пищи). Значит, запрет, идеи этого запрета совершенно доста-

точно для того, чтобы создать не только наказание религиозное, но и физиологическое противопоказание.

В современности можно совсем не верить в бога и верить в табу, избегать молчаливо числа 13, гадать на чет и нечет – такое гадание совершенно безлично. Опять сошлюсь на литературный пример, взятый из «Воскресения» Толстого. Дело идет о члене суда, который судил Катюшу: третий член суда был человеком, разделявшим левые взгляды и читавшим запрещенные статьи: «У него была привычка загадывать всеми возможными средствами на вопросы, которые он задавал себе. Теперь он загадал, что если число шагов до кресла от двери кабинета будет делиться на три без остатка, то новый режим вылечит его от катара, если же не будет делиться, то нет. Шагов было двадцать шесть, но он сделал маленький шажок и ровно на двадцать седьмом подошел к креслу». Здесь мы имеем не только гадание первобытное, безличного характера, но имеем также магию, шаманство, ибо тот маленький шажок, который он сделал в конце концов, это есть прием воздействия на результат гадания, это есть магическое средство, это есть элемент религиозный, но без всякого олицетворенного подхода.

Рядом с этим я укажу запрет, табу социальный. Например, в Америке после 6 часов мужчине нельзя явиться на обед или в театр без фрака или смокинга, а женщине без платья декольте. Причем так как Америка страна мещан, которые пользуются большим или меньшим благосостоянием, то там

этот обычай воспринят от высших классов до низших как точное правило поведения. И там оно осуществляется настолько строго, что обойти его никак нельзя.

Можно сказать, что здесь есть не только элемент табу, запрета и нарушения запрета, но здесь есть даже элемент заклинания. Я приведу другой пример литературный, чрезвычайно любопытный, это выдержка из старого писателя Дружинина²⁹, писавшего под псевдонимом «Чернокнижник», который описывал всевозможные светские обряды и высмеивал их. У него есть следующее заклинание, которое модный портной бросает на голову русского дворянина: «Пусть в свадьбы час разрушится твой фрак, пусть на балу грязнейшую манишку ты под своей жилеткой обнаружишь». Это заклинание нарушения социального запрета и самое нарушение представляются как ужасное бедствие.

Теперь вы можете понять происхождение этих запретов и предписаний. Хотя по существу они в корне довольно сложные, но наше ощущение их совершенно простое, потому что наша психология такова же, как и психология первобытных людей. Мы не спрашиваем, почему нельзя не носить фрак, а просто, когда идешь без фрака, чувствуешь себя как будто голым.

Это то же самое явление, как и явление языка. Есть теория, что язык в начале состоял из односложных слов, на-

²⁹ Дружинин Александр Васильевич (1824–1864) – писатель и беллетрист (примеч. сост.).

пример, китайский язык, который теперь имеет односложные слова и который пережил огромную эволюцию. Это был чрезвычайно сложный, многоуровневый, язык, а теперь у него установилась односложная форма, но она, с одной стороны, явилась в результате очень большой эволюции, а с другой стороны, по существу она, вероятно, напоминает (и есть данные, что напоминает) самую древнейшую односложную форму, которая лежит в начале языка, ибо одни и те же законы действуют и в первобытном и более современном человеческом образовании. Таково наше восприятие табу, запрета. Независимо от его сложного происхождения, оно то же самое простое, элементарное, безолицетворенное, какое было бы в начале религии. Это есть анализ практического подхода.

Теперь я попытаюсь дать анализ первобытного религиозного ощущения.

Мы можем сказать, что в современном человечестве, начиная от более высших форм и кончая чрезвычайно древними, мы имеем рядом с олицетворением, рядом с духом, душой и амулетом неопределенные религиозные ощущения. И так как по нашему методу мы идем от неопределенного к определенному, то я попытаюсь установить, что это неопределенное ощущение есть самое древнее религиозное ощущение. Это ощущение, которое у некоторых народов называется терминами *мана* и *оренда*. Мана и оренда – это есть неопределенное религиозное бытие, из которого выте-

кает запрет. Когда спрашивают, что такое табу, отчего табу, то большей частью не ссылаются, но если хотят сослаться, то ссылаются на эту неопределенную религиозную матрицу. Надо сказать, что мана и оренда взяты из индийских и полинезийских элементов, но и в религии наших сибирских туземцев есть такие элементы, и, может быть, будет более уместно сослаться на них. Например, возьмите чукок, коряков, камчадалов – у них есть общий термин – *наргиние*, а у эскимосов – *исня*. Это в точном переводе – найденный мир. Наргиние – это значит «вон», «вне», это то, что находится вне нас – внешняя природа, мир, то есть все, что противоположно нашему внутреннему миру.

Если мы пойдем по этому пути дальше, то получаем ощущение мира такое, как мне формулировал один из моих приятелей – тунгусский шаман, что у моей души тысяча рук и они такие длинные, что хватают во все концы этого самого наргиние. Поэтому вы видите, что наргиние – это есть религиозное ощущение, отделенное от человека. Это восприятие есть стремление, щупальца, которые протягивает человеческий дух, чтобы воспринять находящееся вне его. Здесь вопрос стоит таким образом: мы присутствуем при первом разделении субъекта от объекта. Религиозные ощущения начинают формулироваться тогда, когда человек отделяется от мира, когда начинает ощущать, что мир – это есть одно, а человек – другое.

Между прочим, точно так же идет развитие языка, точно

так же идет развитие числа. Развитие числа и языка идет так: число имеет три лица – я, ты, он. Я – это бытие, он – это есть мироздание, а ты – это есть социальный элемент языка. Формула языка социально-философская должна быть такая: я тебе говорю о нем. То же самое и с числом. Основное число есть 2. Есть целый ряд исчислительных систем: 1, 2, $2+1$, $2+2$, $2+2+1$. Вы, вероятно, это знаете. В дальнейшем является 3, и для нас 1, 2, 3 – те же основные элементы в исчислении. Причем один – это я, два – это ты, три – это он. Опять тот же самый анализ.

Таким образом, мы видим, что анализ первоощущения религии вполне совпадает с анализом первоощущения числа и языка, местоимения. В сущности говоря, вы могли бы возбудить вопрос: почему они совпадают. Потому что, как я уже говорил, религия – это ощущение, а наука есть рациональное познание, так что они должны идти другим путем. Но в корне они идут одним путем, потому что объект и субъект – это разделение, существующее во времени и пространстве, от которого не может отклониться и религия, хотя и занимающаяся предметами невидимыми и сверхъестественными. Ее бытие может разворачиваться только во времени и пространстве, только от субъекта или объекта, только отсечением элементов между объектом и субъектом. Так что это восприятие мира как чего-то целого, сложного, неопределенного, единого целого, оно не только не отвергает все первобытные воззрения религии, но оно продолжается и до се-

го времени: в первобытности это есть мана, в современности это есть пантеизм. Пантеизм – это точно такое же неопределенное ощущение мира как целого, как религиозного бытия. Разница между первым и вторым только в том, что в первобытности вы имеете ощущение религии, пантеизм же идет дальше, вы имеете ощущение, имеете идею мира как нечто единое. Тем не менее между пантеизмом и первичной религиозной матрицей несомненно существует связь. Я в добавление к тунгусскому шаману процитирую Иоанна Дамаскина Ал. Толстого: «О, если б мог всех вам обнять я, всю душу вместе с вами слить, о, если б мог я без изъятия вас всех – враги, друзья и братья, в свои объятия заключить»³⁰. В этом выражении бытия есть одновременно и элемент пантеистический, и элемент поэтический.

Между прочим, и в практическом бытии мы имеем такую же самую стилизацию. Я говорил сначала: «фарт», «запрет», «везенье», «невезенье». В дальнейшем развитии мы имеем так: с одной стороны, вплоть до современности сохраняется «фарт», «не везет», амулеты, например амулет авиатора, который имеет у себя заткнутого за крыло самолета маскота-идольчика³¹. Попробуйте представить себе авиатора, который постоянно может слететь вниз и разбиться, и

³⁰ Цитата из поэмы Алексея Константиновича Толстого «Иоанн Дамаскин» звучит так: «О, если б мог всю жизнь смешать я, / Всю душу вместе с вами слить! / О, если б мог в свои объятия / Я вас, враги, друзья и братья, / И всю природу заключить!» (примеч. сост.).

³¹ Маскот (*фр. mascotte*) – талисман (примеч. сост.).

вы поймете, что, очевидно, ему без амулета жить нельзя. С другой стороны, есть такая стилизация: «фарт», «неудача», «удача», у русских северных народностей, у чукоч – *урос*. Урос – это есть такое невезенье, что если человек вступил в полосу неудач, то что бы он ни делал, ему хорошо не будет. Эта форма (урос, неудача) – элементарная. Далее появляются олицетворенные формы, когда эта самая неудача имеет характер сологубовской «Недотыкомки», такого нападающего зверька, зверя-неудачу. Который заставляет сбиваться вас с правильного пути. В дальнейшем мы имеем стилизацию такую, имеем, например, русское «горе-злосчастье». По русским песням и преданьям, это есть какое-то полусущество, полудух, который сидит где-то на дереве и, когда едет человек, он прыгает на плечи или сзади, и от него не отвяжешься. Вы видите, что, с одной стороны, подход олицетворенный, а с другой стороны – подход стилистический.

Наконец, последняя стилизация – судьба. Судьба – это нечто такое, что раз навсегда установлено опять-таки неопределенное. Что такое судьба, где судьба и как судьба – вы себе не представляете. И эта судьба, как вы знаете, стоит и над богами, и над людьми. В греческой мифологии боги были подчинены судьбе точно так же, как и люди.

Таким образом, вы видите, что эта конечная стилизация, которая идет от форта, от табу к судьбе, есть практическая форма стилизации, такая же самая, которая идет от первичного восприятия, от мана, к общему стилизованному пред-

ставлению мира как целого.

Между прочим, мироощущение мана – это есть первичное мироощущение не враждебное человеку. Оно, в отличие от более поздних форм религии, имеет характер радостный и бодрый. В дальнейшем в религии появляются злые духи, духи болезни, шаманство, магия, построенные на элементах ужаса и зла. Первоначальное же представление религии более или менее благое. В человеке кипят силы, и он чувствует такую же силу, кипящую в природе. Это ощущение дало ему вечную бодрость, и оттого ощущение мана – радостное, благое и дружественное человеку. Отсюда вытекает новый поразительный факт: мана – это вечная жизнь, смерть несовместима со стадией мана. И мы с изумлением находим, что для первобытного человека все эти мироощущения смерти не существуют. А если и существует, то это не естественная смерть, а случайная, насильственная.

Я сказал, что естественной смерти для обезьян и вообще травоядных нет. Для первобытного человека она есть, только он не хочет с ней мириться даже в состоянии более позднего анимизма. Активная природа человека не допускает пустоты, не допускает естественного перехода в небытие. По представлению первобытного человека, смерть – это есть смерть насильственная – убийство, совершенное врагом зримым или незримым. И многие народы всякую смерть приписывают магическим действиям колдунов, и когда человек умирает, ищут среди его врагов колдуна. Например, целый

ряд американских племен ведут непрерывные войны, потому что в каждой смерти обвиняют чужого колдуна и мстят за умершего. Таким образом, на основании непризнания естественной смерти они ведут между собой непрерывные войны. Такими же виновниками смерти являются духи-убийцы, которые равносильны злым шаманам и поражают человека незримыми мечами.

Последним является Смерть с большой буквы: скелет с косою, телесный образ, с телесным естеством и оружием в руках.

Из дальнейшего анализа фольклора вы увидите, что представление смерти есть представление позднее, а не раннее. Фольклор первобытных народов изобилует рассказами о том, как смерть явилась в человечество и стала убивать, и о том, как сильный человек осилил смерть: взял ее в плен, завязал в мешок, повесил коптиться над огнем или уговорил ее сунуть руку в расщеп дубового пня, вышиб клин, и смерть завязла в расщепе. После того люди перестали умирать, и их стало слишком много, как будто комаров. В конце концов смерть освобождается. Чаще всего ее освобождает сам колдун, устранившись от многолюдства.

Такие рассказы мы встречаем у чукоч, у эскимосов и папуасов.

В русском варианте место колдуна занимает солдат. Смерть пришла убить его, а он хитростью заманивает смерть в мешок, накрепко завязывает его и вешает коптиться над

огнем. Смерть просится наружу и зарекается трогать православных, но солдат ей не верит. В конце концов смерть все же выходит на свободу.

В другом русском варианте (по-видимому, более древнем) мы находим следующее: «Солдат, посадив смерть в торбу, взвалил ее на плечи и пошел в леса брянские, дремучие. Пришел и повесил эту торбу на горькой осине, на самой вершине, а сам воротился домой. С той поры не стал народ помирать: рожаться – рожается, а не помирает! Вот прошло много лет, солдат все торбы не снимает. И случилось ему идти по городу. Идет, а навстречу ему эдакая древняя старушка: в которую сторону подует ветер, в ту сторону и валится. “Вишь, какая старуха! – сказал солдат. – Чай, давно уж помирать пора!” – “Да, батюшка! – отвечает старушка. – Мне давно помереть пора – еще в тое время, как посадил ты Смерть в торбу, оставалось всего житья моего на белом свете один только час. Я бы и рада на покой, да без Смерти земля не примаet...” – и тогда солдат выпустил смерть».

В третьем варианте солдат Иван послал смерть вместо старых людей ходить по лесам и три года точить самые старые дубы, вместо молодых людей три года точить молодые дубы и вместо малых детей три года глодать самые малые дубки. Таким образом солдат спасает от смерти своих родителей, своих братьев и своих племянников.

По этим рассказам смерть является представлением поздним, но и явлением, непобедимым шаманскими силами. Ак-

тивность первобытного человека отталкивала смерть. У него был только инстинктивный страх перед невидимым, такой же самый страх перед убийством, какой существует у многих крупных животных (например, лошадей, быков и так далее).

Сейчас мы перейдем к довольно любопытному наблюдению. Вам, вероятно, известен следующий силлогизм: «Все люди смертны, Иван – человек, следовательно, Иван смертен». Это считается образцом силлогизма. Наше сознание из этого закона смерти не знает исключений. Тем не менее оказывается, что это утверждение, столь нам знакомое, первобытному сознанию почти совершенно недоступно. Об этом свидетельствует знаменитый этнограф Карл фон Штейн, занимавшийся этнографией Южной Америки и составлявший с помощью своего переводчика простейшие вокабулы на языке бакайри – народа Бразилии. Он стал переводить фразы из немецкой грамматики и дошел до этого силлогизма: «Все люди смертны и т. д.» и к крайнему своему изумлению увидел, что этот силлогизм непонятен даже бывалому индейцу-переводчику. Переводчик говорил, что смерть – сила внешняя, влияние злого, враждебного духа, а если не будет духов, никто не будет народ трогать, то люди никогда не умрут. А поэтому надо написать так: «Все люди бессмертны, то же самое и Иван, он тоже никогда не умрет и будет жить неопределенно долгое время». В конце концов, когда все-таки этнограф хотел перевести, перевели они так, взяв вместо подхода философского – фактический: «Я умираю, мы умираю».

раем, часто бывает, что люди умирают».

Вы видите, какое здесь глубокое непризнание смерти не только волевое, но и фактическое.

Надо сказать, что мы все такое волевое непризнание смерти имеем. Как я уже говорил в прошлый раз, мы не только не хотим умирать, но фактически признаем себя бессмертными, и каждое наше действие есть действие как будто бы мы бессмертны. Я возьму пример личный. Вот я с утра до вечера занимаюсь с вами, в то время как я мог бы отойти от этого и отдыхать. Не думайте, что здесь есть какое-то самопожертвование. Я делаю это потому, что во мне жив еще принцип жизни, а жизненный принцип по существу бессмертен, он строится без конца. Таким образом, я работаю не для славы науки и человечества, а просто потому, что таков уж принцип жизни.

У нас этот элемент является волевым, мы не хотим умирать и поэтому не признаем смерти. А там элемент смерти вовсе не существует, они даже не признают фактического бытия смерти. «Люди часто умирают», – вот все, что мог сказать первобытный индеец. Таким образом, естественной смерти первобытный человек не признает. Но как только начинает допускать ее, он превращает ее в фантастическую силу и посылает колдуна бороться с нею и унять ее.

Однако постепенно человек убеждается из опыта в том, что смерть существует и никого не щадит, умереть – это общая участь людей. И вот ставятся два вопроса: откуда взя-

лась смерть, почему она явилась. Между прочим, среди первобытных народов есть чрезвычайно распространенная легенда, нам даже отчасти непонятная. Я ее процитирую. Эта легенда сопоставима с той, что входит в еврейско-христианское Святое писание. Смерть явилась на свет благодаря вине какого-то зверя: зайца, лисицы, собаки, а чаще всего по вине змея.

Появление смерти связано с ущербом месяца, ибо смерть месяца рассматривается как ежемесячная смерть. Месяц привлекает внимание первобытных людей гораздо раньше, чем солнце. Так, по рассказам готтентотов, месяц пожелал послать человечеству весть о бессмертии. Заяц вызвался идти вестником. Месяц велел ему сказать людям: «Как я умираю и опять воскресаю, так и вы умрете и снова воскреснете». Заяц, однако, передал людям как раз противоположное: «Как я умираю и больше не воскресну, так и вы умрете и больше не воскреснете». Узнав об этом, месяц рассердился и ударил зайца палкой так, что рассек ему губу. Оттого у зайца губа рассечена. Заяц расцарапал когтями месяцу лицо, что можно видеть и теперь на месяце, а потом бросился бежать и бежит до сих пор. Готтентоты прибавляют: «Мы так злы на зайца за эту коварную штуку, что не можем есть его мясо». Действительно, для мужчины готтентота на заячьем мясе лежит суровое табу. Кто поел бы заячьего мяса, того изгнали бы из деревни.

Такой рассказ об искаженном оповещении, благодаря ко-

торому люди по вине зверя потеряли бессмертие, встречается всюду. Это сказка всемирная, она есть у гогентотов, есть также и у чукоч. У чукоч вместо зайца посылается собака.

Очевидно, та же самая легенда, только другой вариант.

Очень часто таким коварным вестником оказывается змея, и целый ряд легенд говорит о том, что какой-то создатель, верховный бог послал змея возвестить людям бессмертие, а змей вместо этого захватил бессмертие себе. Его проклял бог, и прокляли люди, и началась вражда между людьми и зверем. Очевидно, люди ввели в легенду змея, потому что считали его сверхъестественным существом. Мы знаем, что змей весьма долговечен и, кроме того, ежегодно линяет, вылезает из старого футляра, – молодеет и обновляется.

Теперь я подхожу к той легенде, к которой шел, – к легенде еврейско-христианской.

Мы знаем, что в сотворении мира бог, человек и змей как-то запутаны в идее бессмертия. Бог поставил в раю табу – древо познания добра и зла – и даровал человеку бессмертие с тем, чтобы он не нарушал этого табу. Но змей заставил нарушить табу и тем самым лишиться бессмертия. Но еврейская легенда искажена. В вавилонской религии существует легенда более подробная. Там бог послал змея, который исказил значение божьего приказа. (Цитирует книгу Тураева³².)

³² Скорее всего, имеется в виду хрестоматия, в которой приводится перевод

Таким образом, мы видим, что эта вавилонская легенда объясняет легенду еврейскую и подход к явлению смерти как к искаженной вести. С другой стороны, Фрезер подчеркивает идею воскрешения смерти через три дня, связанную с идеей о том, что умершие люди тоже воскресают через три дня. Вы знаете, какое огромное значение имеет в Евангелии непременно воскресение через три дня, – это надежда на воскресение через три дня по Писанию.

В дальнейшем развитии смерть вырастает и, наконец, становится образом огромным, всемогущим, сильнее, чем люди, цари, богатыри, и даже сильнее, чем бог. И полной противоположностью вышеупомянутой сказке о победе солдата над смертью является другая, не менее известная сказка о воине Анике.

Слово «аника» означает по-гречески «непобедимый». Но смерть побеждает его, и таким образом получает реванш за свою неудачную борьбу с шаманом или солдатом.

«Я есмь смерть скорая,
Скорая есмь смерть, скоропостижная».

А в другом варианте даже и так:

«Я есмь смерть прекрасная,

этого сказания: Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима / под ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина. Ч. I: Восток. М., 1915 (примеч. сост.).

Смерть безродная, безымянная, беспосульная,
Пришла я тебя воскрешать».

Все-таки и эта прекрасная смерть «кушает» людей. Пищевой подход сохраняется и тут.

Я закончу свой анализ замечательной сказкой о встрече работника со смертью. Она была записана Садовниковым³³ в Самарской губернии в 1886 году. Очевидно, у нас тогда уже таилось то, что сейчас вышло наружу. Смерть не только всемогуща, но также и всеправедна, она праведнее Николая-угодника и праведнее бога.

На дорогу работнику хозяин пирожок дал; тот и его в сумку положил и пошел путем-дорогой. Шел, шел, и захотелось ему разговеться. Разостлал и сел на землю; только хотел укусить, и является Миколай-угодник и говорит: «Ангела тебе за трапезой, добрый молодец! Покорми-ка меня». – «Кто ты такой?» – «Я – Миколай-угодник». – «О, – говорит, – ты за деньги, говорит, все бога-то молишь, кто тебе свечку купит. Я тебе не дам». Миколаю-угоднику не дал и сам пищи не принял; в пазуху положил и пошел путем-дорогой. Шел и устал и поесть захотел: «Дай-ка разверну да разговееюсь». Развернул и разостлал, и перекрестился. Не поспел укусить, является к нему старичок и говорит: «Ангел тебе за трапезой, добрый молодец!» – «Да спасет тебя Господь!» – сказал добрый

³³ Садовников Дмитрий Николаевич (1847–1883) – фольклорист, этнограф, поэт (примеч. сост.).

молодец. «Где ты был, друг?» – «А вот, дедушка, жил у хозяина, в работниках работал три года за паску; вот домой иду, хозяйке тащу». – «Давай-ка сядем да поедим». – «Ты кто, дедушка?» – «Я сам Господь». – «Эх, Господи, я тебе разговеться не дам: ты не по правде делаешь. Намножил которых больно богатых, а которых бедных...» Завернул, в пазуху положил и опять пошел.

Шел, шел и крепко поесть захотел: – «Ну, надо разговеться». Не успел куска обломить, является к нему старушка и говорит: «Ангел тебе за трапезой, добрый молодец!» – «Добро жаловать, баушка, ко мне разговеться». – «Где ты, друг, был?» – «В таком-то, – говорит, – месте три года за паску в работниках работал. Паску получил, а сам не разговлялся». – «А что ты долго не разговлялся?» – «Да вот что: сел я раз разговляться, подходит ко мне святой отец Никола и садится со мной разговляться. Я ему, баушка, ведь не дал». – «А на что ты ему не дал?» – «Он за копеечку свечку ведь работает, а кто ему свечку не купит, он за того не молится. Второй раз, баушка, сел – опять приходит старичок, просит паски, разговеться; я спросил: “Ты, дедушка, кто?” Ну, дедушка сказал мне хорошо: “Я, – говорит, – господь”». Ну, я бога прогневал, нехорошо перед богом сказал: «Ты, господи, – говорю, – нас всех не ровняешь: которых больно делаешь бедными, которых – богатыми. Взял я положил паску в пазуху и ушел. А ты, баушка, кто?» – «Я, друг, Смерть твоя». – «Ну, давай, баушка, разговеемся! Ты – Смерть, человек справедливый: ты не берешь ни злата, ни серебра, не оставляешь ни царей, ни

сильных могучих богатырей – всех моришь». Вот они с ней сели и разговелись. Смерть и говорит: «Хоша я и Смерть, да иди, куда путь лежит». Он и пошел.

Таким образом, я перед вами очертил весь путь восприятия смерти человеком. Сначала я шел таким путем: я очертил практически дорелигиозное бытие, или первое религиозное бытие, – это помощь, удача, фарт, урос, запрет. Причем это не олицетворенный подход. Потом я анализировал стилизацию этого вплоть до судьбы.

Второй анализ я начал с общего ощущения мира от мана, от внешнего мира, от объекта, от наргиние, которое в порядке восприятия человек отсекает от субъекта, и разделяется человек и мироздание.

Причем я подчеркнул, что это восприятие по существу благое, что элементы неприятности, страха и зла сюда еще не входят, ибо мир к человеку слишком близок, и человек живет не только в себе, а живет в мироздании, в этой самой тысяче длинных рук, которые протянуты у шамана во все концы.

Затем я постарался проанализировать рождение процесса рассечения и представление об уничтожении, о том, как смерть вошла в мир как религиозный принцип.

Вы видите далее, что смерть является одним из основных, быть может, даже наиболее основным принципом рождения религии: шаманизма, магии. Магия – это воздействие человека на смерть, с целью ее устранения: к шаманизму прибе-

гают, чтобы вернуть умершего с того света и воскресить.

Поэтому, прежде чем перейти к анимизму, я проанализировал появление смерти и установил, что в первобытности у человека смерть – явление позднее, и не только позднее, но и необходимое. Говорил, что у нас есть волевое отрицание смерти, у первобытного же человека не только имеется волевое бессмертие, но также и сознание бессмертия. Смерть вошла в его сознание, как инородное тело, насильственное тело, которое он стремится выкинуть из своего бытия, выкинуть из религии, выкинуть из фольклора.

Таким образом, я сначала анализировал вхождение смерти в мир и постоянное выкидывание ее, борьбу шаманов (у нас солдата) со смертью как с таковой, в конце стилизованную борьбу. Чукотский шаман даже не борется со смертью, он только отнимает от нее взятую у человека душу и возвращает назад, но смерть не уничтожает. Значит, мы видим, что самое бытие смерти признается. Вначале же бытие смерти не признается, отвергается и строится только фольклор о том, что смерть можно победить и даже уничтожить.

Наконец, в дальнейшем анализе я слежу за возрастанием смерти и иду двумя путями: я дал анализ того, как смерть вошла в мир через животное, как зверь бессмертие украл и был за это наказан.

Наконец, я закончил анализ тем, что смерть все более и более растет, и дал вам последний образ смерти, не той, которую побеждает шаман или солдат, а, наоборот, той смерти,

которая побеждает всех людей.

И, наконец, я кончил очень ярким литературным изображением всемогущества смерти в разрезе социальном, в разрезе бытовом, в разрезе мироздания: смерть является не только последней стадией жизни, но последним элементом справедливости.

В сущности говоря, надо было этот анализ продолжить таким образом: говорить о воскресении массовом, например о страшном суде, о загробной жизни, о рае и аде, о воскресении человечества, о загробных муках. Это один анализ.

Другой анализ – о кончине мира, о смерти богов, о победоносном элементе судьбы, стоящей над богами.

И, наконец, можно дать анализ этический: смерть как справедливость и воскресение, как награда.

Так как этот анализ (о страшном суде, о загробной жизни, добре и зле и так далее) довольно сложный, то я дам его, если буду иметь время, в конце рассмотрения религии, когда перейду от религии первобытной к религии более высшей.

Теперь мы стоим у порога анимизма, мы подошли к анализу первобытного религиозного мироощущения, к рассечению его надвое: человек и мироздание.

Дальнейший анализ должен пойти так: это неопределенное мироздание человек населил жизнью, сначала олицетворил, а потом одухотворил.

В последующем анализе мы пойдем от анимизма, от начала олицетворения до одухотворения.

С другой стороны, прежде чем двигаться вперед, надо дать анализ человеческой психологии как восприятия религии, о том, что такое мышление логическое и нелогическое.

Исходя из того, что религия есть мироощущение, а наука есть мышление, мы пойдем таким путем: во-первых, будем говорить об ощущении, о нашей возбудимости. Первобытный человек чрезвычайно податлив на всякое возбуждение и всякое влияние. В пример я могу привести случай, происшедший с русским купцом, который ездил во Владивосток. Там была эпидемия кори. Как-то купец, играя в карты с исправником, выиграл у него большую сумму денег. Исправник разозлился и сказал ему: «А знаете, Иван Петрович, я видел вчера во сне, что вы умерли от кори». На купца это так подействовало, что он изменился в лице, бросил карты, пошел домой и в ту же ночь умер от кори.

Само собой, понятно, что если существует такая мягкость, податливость смерти и совершенно истерическое восприятие ее так сильно для отдельного индивидуума, то для массы оно является гораздо большим.

В дальнейшем придется дать анализ восприятия опасности и анализ нашего мышления, ибо мышление современного человека и первобытного не имеет логического характера.

В современном мышлении есть множество подходов совершенно алогических. Из моего анализа я выделяю в религии элементы нелогические, пралогические, элементы прямого восприятия, прямого ощущения.

Таким образом, я постарался установить в самом мышлении первобытного человека элементы алогические, то же самое я постараюсь установить и в мышлении человека современного. Если вы возьмете дикаря, который мажет своему идолу губы сметаной и потом наказывает его, и ребенка, который дает есть своей кукле, то увидите, что этот подход совершенно одинаковый, тот же самый подход, какой мы находим в фольклоре и в поэзии, — действие путем уподобления, путем всевозможной стилизации и перестановки.

В будущем мой анализ пойдет по двум путям: по пути анализа человеческой психики соотносительно религии и науке, то есть анализа алогического и логического мышления.

После этого анализа я смогу перейти к анализу дальнейшего развития религии, к анализу олицетворения, одухотворения всего внешнего мира.

Лекция четвертая. 10/XI 1927 г.

Тема сегодняшней лекции – олицетворение и анимизм.

Мы, таким образом, дошли до разделения субъекта и объекта. В дальнейшем анализе субъект, т. е. вселенная как целое, распадается на части и расчленяется, и каждая из этих частей, более или менее мелкие, тоже олицетворяются и оживляются. Раз вся вселенная для первобытного человека живая, то и отдельные ее части тоже живые. Это восприятие частей вселенной и всех ее внешних предметов как живых – это есть опять социологический момент.

Я приведу весьма известную цитату из Дарвина о том, что собака лежала и дремала, а рядом с ней лежал раскрытый зонт, зонт пошевелился от ветра и собака начала лаять. Дарвин приводит этот пример для характеристики мироощущения собаки, подход к зонту как к живому. Подход человека ко всем внешним предметам без различия такой же – как к живым. Вначале весь мир для человека живой, прежде всего конечно, звери, птицы, растения, колеблемые ветром, которые растут из земли; вода, которая течет; светила, которые движутся по небу. Вообще все внешние предметы одушевлены, для первобытного человека неодушевленных предметов не существует в сущности. Очень интересный анализ произ-

вел Прокофьев³⁴ среди своих студентов по этому вопросу. Он спрашивал их, что живое и что нет. Их представление о живом с нашим не сходится. У них есть элементы чистого олицетворения. Камень живой или мертвый? – Все согласны, что живой, потому что в камне есть искра, которая дает огонь, и этого достаточно для того, чтобы предмет был живой. Трава живая, потому что она растет. Вода? – Какая вода? – Вода для питья мертвая. Такое же самое представление имеем у бушменов и у готтентотов, которое выражается у них и в языке. Вода мертвая и род употребляется мертвый, т. е. для неодушевленных предметов, а река бегущая – это живая вода. Для сближения с лингвистами можно сказать, что в языке африканских бушменов и готтентотов есть разделение на три рода. Один род для людей и богов; другой – для предметов одушевленных и третий род для предметов неодушевленных. Вода, которую пьют, она всегда мертвая, и для нее употребляют третий род – для предметов неодушевленных. Вода текущая, это вода, для которой употребляют средний род – для предметов одушевленных, и, наконец, водопад, вода, которая бьет и ключи – это нечто божественное и имеет значимость первого рода вместе с людьми и богами. Это чрезвычайно рельефное совпадение с лингвистическим подходом.

Между прочим, такое воззрение, что у человека вначале

³⁴ Прокофьев Георгий Николаевич (1897–1942) – лингвист и этнограф, исследовавший культуру народов Севера (примеч. сост.).

все безличные силы выступают в личной форме, было свойственно чрезвычайно многим ученым, еще до возникновения теории анимизма. Приведу цитату известного американского ученого Даниеля Брейтона: «Все то, что производит движение, издает звук или запах, или своей внешней формой и определенностью очертаний высказывает свое внутреннее единство, представляется уму дикаря олицетворенным и в его собственном существе. Все эти олицетворения имеют такие же свойства и ничем существенным не отличаются от него. Животное, растение, камень, ночные светила, воющий ветер, вспыхивающий огонь, отвесная гора – все это его братья в природе, проникнутые той же жизнью, как и он сам». Эндрю Ланг выражается еще определеннее: «Дикарь не проводит грани между собой и другими предметами, родственными по его понятиям человеческой природе. Таковы животные, растения и небесные тела. Он приписывает камням и скалам пол и способности деторождения, присваивает человеческие чувства солнцу и луне, звездам и ветру, также зверям, птицам и рыбам» (Миф, обряд и религия, 1, стр. 47). Эти цитаты чрезвычайно яркие и не нуждаются ни в каких комментариях. Между прочим, в одной чукотской сказке в этом же самом отношении типичны следующие слова: «Маленькая серая птичка с синей грудью шаманит, сидя в углу между суком и стволом», «Ствол дерева стонет и плачет под ударами топора, как бубен под колотушкой». Все существующее живет: лампа ходит, стены дома имеют свой го-

лос, даже ночной горшок имеет страну, шатер и жену, и детей. Шкуры, лежащие в мешках для торговли, разговаривают по ночам, и так далее. Это опять-таки цитата в высшей степени рельефная³⁵. Здесь всюду нет никакого различия между представлениями о предметах неодушевленных и между зверями, людьми.

Еще о духах нет речи, поэтому мы не имеем права и не должны делать какие-нибудь упоминания о духах. Мы должны брать то, что нам дают цитаты или действительность, а не искать в глубине того, чего там по внешности нет. Потом мы найдем духов в огромном количестве, но здесь я констатирую как факт, что духов еще нет. Такое оживотворение имеет в начале преобладающее свойство и частично сохраняется в фольклоре и обрядах до сравнительно позднего времени и существует рядом с позднейшим одухотворением как более ранняя форма. В высшей степени поучительно и наглядно такие самые элементы олицетворения находить, например, в русском фольклоре и русских обрядах, и в сравнительно поздних обрядах, которые относятся уже к стадии анимизма и которые должны быть связаны с духами. Мало того, они и сейчас в полуразрушенной форме существуют. Такие религиозные элементы входят и в христианство. Так, например, русская сказка про прохожего, который ложится спать под стогом и слышит во сне стон, точно живой голос, это хозя-

³⁵ В. Г. Богораз «Материалы по изучению чукотского языка и фольклора». Изд. Академии наук. [1900]. Стр. 381.

ин стога кричит. Сено стонет, потому что его скосили. Это чрезвычайно рельефно. Этот рассказ рожден в земледельческом быту, тем не менее в нем такое же олицетворение природы, как и в охотничьем и скотоводческом быту. Детская песенка о грибах: «Отозвались опенки, отозвались рыжики» – опять-таки тут дело идет просто о грибах, никакой мысли нет, что там сидит дух. Чукотское представление о мухоморах имеет характер олицетворения. У гиляков тоже, но там несколько иначе. Мухоморы вышли на дорогу людьми в шляпах, это стадия уже высшая, антропоморфная, одухотворение. Чукотский рассказ такой, что если вы съели пять мухоморов, то во сне вам явится пять мухоморных жизней, и некоторые будут иметь характер тумбы, потому что мухомор имеет тело тумбы. Эти мухоморы, являясь во сне, заставляют человека подражать им и делать то, что они делают. Мухомор имеет тело короткое, как тумба, ушедшие плечи, как у человека. Человек надевает мешок на голову и старается подлезть под мешок, этим он подражает поведению мухоморов, которые вылезают из-под земли. Кроме того, существует мухоморное опьянение не только у чукчей, но и у русских, и я сам видел много таких фактов. Помню один такой случай: сидим в избушке, окна закрыты; вдруг кто-то выбивает ставни, как прорастающий гриб мухомор. Другой случай: в избе высокий камин, стены прямые отвесные, сквозь которые дым выходит; на загнете лежала громадная куча угля. Вдруг вбежал человек, вскочил на шесток и стал карабкаться

сквозь трубу, попросту залез в трубу. Вся глина осыпалась, а он вылез весь в саже, щеки оцарапаны, ноги ободрал. Оказалось, что он подражал мухомору, который пролезает сквозь всякие тесные места. Мы видим здесь не только олицетворение, не только представление, но и разыгрывание. Человек разыгрывает внешнюю форму предмета, который представляется ему живым. Мы имеем в этом отношении множество материала из разных систем верований. Приведу пример из чукотских представлений, где ночной горшок это есть сторож, который сторожит добычу. Есть такая чукотская сказка, что злой дух Келе захватил мальчика, который притворился мертвым. Придя в свое жилище, он положил мальчика, сам лег спать, а ночной сосуд поставил сторожить предполагаемое мертвое тело. Когда все заснули, мальчик поднялся, тогда ночной сосуд закричал. Перед тем как Келе проснуться, мальчик опять сделался неподвижным. Келе обругал сосуд и в наказание залил водой. Как только Келе снова заснул, мальчик сделал новое движение, на этот раз смелее прежнего, сосуд закричал опять. Мальчик подбежал к сосуду и наполнил его.

Это довольно остроумная сказка. Вы видите здесь не только элемент олицетворения, но, может быть, и начальные элементы одухотворения. Все-таки есть раздвоение между внешней формой предмета и тем живым голосом, который в нем живет. Правда, этот голос живет тоже в форме совершенно материальной. Можно привести такой пример, что

для первобытного язычника, шаманиста, для чукчи, эскимоса, когда он ходит по лесу, то каждый хруст сучьев для него это есть голоса живой жизни. Например, человек, проходя мимо, толкнет грудку хвороста, и она рассыплется на отдельные сучки, мелкие сучки, половина из них убегает оленями, а главный убегает за ними, это их пастух, который их пасет. Тут мы имеем превращение, но превращение совершенно материальное, еще превращение, а об одухотворении еще нет речи.

Точно так же, такое же олицетворение имеют силы природы: ветер, гром, море, горы. Можно привести ряд рассказов, относящихся к горам. Например, в юкагирском фольклоре различные сопки изображены как живые люди. «Они сватаются, ссорятся, дерутся и, в конце концов, каменеют. Такие же рассказы были записаны Вениаминовым³⁶ среди алеутов. В одном алеутском рассказе сопки на острове Уналагике вступили в драку и стали бросать друг в друга камнями с огнем. Многие мелкие сопки, которые были не в силах бороться с крупными, лопнули и погасли. Остались только две сопки, Макушин и Речегиной. В последующей битве Речегиной был побежден и, видя свое поражение, собрал все свои силы, надул, лопнул и угас. Макушин лег спать и те-

³⁶ Вениаминов-Попов Иван Евсеевич (1797–1879) – митрополит Московский Иннокентий, миссионер, переводчик Библии на языки народов Севера, этнограф, географ, лингвист (примеч. сост.).

перь из него выходит только легкий дым»³⁷. Это стадия олицетворения. Такое же представление имеем и у других народов, живущих на Суматре. У них представление такое, что сопка – это большая печь, в которой живет великан и топит ее, и дым выходит наружу. Здесь мы имеем раздвоение этого субъекта на внешнюю форму и на внутреннюю, в нем живущую, опять-таки пока живущую, а не дух. Живут в сопках как бы материальные духи, люди-великаны, и топят таким же огнем. Внешняя форма предмета совершенно не важна, лишь бы она поражала воображение.

На этой стадии олицетворения начинается вступление амулета. Амулет – это всякий внешний предмет, лишь бы он казался странным и казался бы имеющим в себе какую-то неведомую силу и жизнь.

Юрий Лисянский сообщает о жителях острова Кодьяка, охотников за китами, которые с наступлением весны отправляются в горы на поиски орлиных перьев, медвежьей шерсти, камней необыкновенного вида, кореньев, птичьих черепов и тому подобных предметов. Все такие находки употребляются в виде амулетов. Сюда же относится знаменитый случай, цитируемый часто этнографами, из рассказов Крашенинникова. Он относится к приморскому коряку, жителю поселка Ука в Северной Камчатке. Этот человек рассказывал Крашениникову следующее: «Лет за десять был он в огнище немало время (вероятно, от сифилиса). Между тем,

³⁷ Ю. Лисянский «Путешествие вокруг света», 2, стр. 93, СПб., 1812.

будучи на реке Адке, от устья реки Ука в десяти верстах, нашел он камень и, как взял в руки, камень на него будто человек дунул. Испугавшись, он бросил камень в воду, отчего болезнь его так усилилась, что он лежал все то лето и зиму. На другой год был принужден искать с великим трудом объявленного камня и нашел его уже не в том месте, где бросил, а далеко оттуда, лежащим на плите. Купно с Калкаком, или с малым камнем, который он, взяв, с радостью принес в свой поселок и, сделав им платье, от болезни избавился. С того времени держит он их у себя и любит каменную жену паче настоящей. А Калкака всегда берет с собой в дорогу и на промыслы (считая его сыном)»³⁸. Значение амулета независимо от формы и от названия, которое этот предмет имеет. Какой-нибудь камень человекообразной формы является амулетом и становится женой человека. Такое представление существует у гиляков.

Тут уже входит новый элемент, который можно подчеркнуть в связи с прекрасной работой Льва Яковлевича [Штернберга]. Как только камень становится амулетом и становится сверхъестественной женой и уносится человеком, то тут мы уже видим не только начало шаманства, не только начало ведовства, но и начало полового подхода к шаманству, которое имеет огромное значение. Следовательно, этот половой подход начинается еще до анимизма и начинается на стадии олицетворения. Этот камень, который является женой для ги-

³⁸ Крашенников «Описание земли Камчатки», 2 т., стр. 164, СПб., 1755.

ляка, он является первой стадией, древнейшей формой, которая перешла и в наше представление о колдунах и колдуньях, которые имеют суккуб и инкуб. Относительно колдунов выступают такие элементы, что каждый колдун имеет духа нечистого или самого сатану, который находится с ним в половом общении. Мужчина имеет женщину – суккуба, то есть «лежащую снизу», а женщины имеют мужа – инкуба, то есть «лежащего сверху» (это по-латыни). Они являются их помощниками.

Таким образом, начиная от камня-жены и вплоть до инкуба эти элементы ведовства одни и те же и в шаманских обрядах, и в магии, и они начинаются с самого начала разветвления религии, ибо религия, в конце концов, начинается с олицетворения. Конечно, общее определение мира как целого – это не есть религия, это есть начало для религии. Религия начинается с разделения предмета на части, она начинается с амулетов, обрядов и с шаманского, магического и полового подхода. Такие же рассказы я слышал и у различных северных народов относительно амулетов. У эскимосов Гренландии такое представление, что если человек идет по дороге, и под ноги к нему скатывается с горы камень, то этот камень становится амулетом. То же самое и в нашей стране у Берингова пролива рассказывали чукчи.

Однако, надо сказать, что на этой стадии, по существу, человек не может долго удержаться, потому что форма предмета для человеческого внимания значит больше, чем мате-

риал. Таким образом, во всех этих внешних предметах — живых или неживых — отмечается всякое сходство с жизнью, а так как он сам, человек, есть центр жизни, то отмечается всякое сходство внешних предметов с человеком, всякая так называемая игра природы. Какой-нибудь камушек, который похож на человеческое тело или на часть человеческого тела, тем самым является амулетом. На этой стадии начинается по преимуществу такое олицетворение, и оно восходит вплоть до современной религии, когда больные в виде жертв приносят, если болит рука, руку, сделанную из золота или серебра, если нога, то ногу, и так далее. И не только эти руки и ноги делают сами, но ревностно ищут, скажем, на берегу реки или моря камушки или предметы какие-нибудь, которые имеют сходство с рукой или ногой и которые тем самым являются амулетом и очень хорошими предметами для подношения богу для исцеления от болезни.

С другой стороны, мы видим, что вместо частей человека, человечество стремится к тому, чтобы сходство было более общим. Я раньше приводил пример с сучками, которые оживают и представляется так, что каждый сучок, раздвоенный книзу, — это человек с ногами. Вы помните, как там потом эти сучки превращались в оленей и разбегались, а один сучок превращался в пастуха. Надо сказать, что в амулетах это внешнее сходство сохраняется в высшей степени долго. Возьмите, например, чукотское домашнее мелкое божество, чукотскую святыню, которая состоит из совокупности аму-

летов. Это палка, раздвоенная книзу, на которой делают надрезы. Делают ее также из кожи. Бусы – это уже процесс стилизации, так как бусы являются предметом новым, купленным у русских. Чукчи делают прекрасные изображения животных и людей, но наряду с этим в основе домашних божеств лежит чрезвычайно смутное, слабое сходство.

Такое представление мы видим не только в религии первобытной, но даже и в религии более развитой, например, в греческом политеизме, в основе которого лежала скульптура. Там мы, наряду с прекрасными скульптурными изображениями богов, видим и чрезвычайно грубые изображения, которые у греков как раз считались самыми священными. У них было изображение Аполлона в виде деревянного великана; изображение Деметры грубое, каменное, которое не имело даже никакого человекообразного вида. Надо сказать, что это сохраняется и в современной религии, вплоть до самого высшего проявления ее и даже до самой последней высшей мировой религии – магометанства, в основе которого лежит поклонение священному камню, упавшему с неба, и который не имеет никакой человекообразной формы. Этот камень вделан в стену Каабы, магометанского святилища в Мекке, и частью уже стерся от бесчисленных губ верующих, которые прикладываются к нему, выражая этим почтение и жажду исцеления. Мы видим, таким образом, что древнейшая форма религии проявляется и во всех высших религиях, вплоть до самой последней формы ее. Конечно, по

пути олицетворения и по пути уподобления людям первое место занимают звери, потому что звери действительно живые, и еще потому, что человек, как я уже говорил раньше, представляет себе зверей людьми: люди-звери и звери-люди. Мы видим, таким образом, что звери – это первые существа, с которых начинается антропоморфизация – уподобление людям. В этом отношении можно привести множество примеров во всем северном фольклоре. Так, пример такой: оленя, который убегает от охотника, охотник рассматривает как злого духа и, разговаривая с собой, говорит: вот идет злой дух, который может нас истребить. Человек говорит о злых духах так же, как о людях, и о зверях так же, как о людях. Чукотские сказания изобилуют такими указаниями на уподобление людям. Чукотский охотник говорит: лисица имеет свой собственный дом; черный и белый медведь имеет свое хозяйство и так далее. Это начало антропоморфизации, но здесь пока все строго материальное, духовного элемента нет, и о духе мы не можем говорить. Это не стадия анимизма, а только первая часть – переход от олицетворения к анимизму. Любопытно следить за колебаниями этого развития. Ряд предметов приобретает человекообразную форму, будь то животные или неодушевленные предметы, но отчасти сохраняют и свои первоначальные свойства. Человек как бы колеблется, делает первые робкие неуверенные шаги и придает зверям человеческие свойства, а неодушевленным предметам – одушевленные, но все же его воображение хва-

тается за их прежнюю материальную сущность и не желает от нее избавляться. Любопытен рассказ, как кит уносит де-вушку и на ней женится, но остается по-прежнему китом. Он кладет голову на руки женщины и заставляет ее выковыривать у него в голове. Этот обычай распространен у русских XVIII века. Помните, у Державина: «То с нею в свайку веселюся, то с нею в голове ищуся». А у туземцев ведь подход такой – охотничий: я его ем, а он меня. Но у кита эти паразиты, не обыкновенные вши, а особенные раковины, которые впиваются в кожу кита и беспокоят его, и кит от этого очень страдает. Известно, что он находит камень, высовывается из воды до половины и ожесточенно трется спиной об этот камень, желая соскрести эти раковины, которые мешают ему. Между прочим, эти раковины ужасно надоедливые. Они обрастают вокруг киля судов и даже металлических судов, и суда, которые проходили десятка два лет, с них нужно снимать эти раковины. Итак, значит, эта жена кита вычесывает у него эти раковины, но так как ее пальцы не годятся для этого, то она проскребла пальцы до крови и до костей. Видите, значит, это не такая веселая задача, как это у Державина с женой. Еще пример: лисья женка, выйдя замуж за человека, сохраняет свой неприятный запах. Гусиная женка сохраняет свое отвращение к животной пище. «Элеинкуд» – это у гилеков камень, который стал женой человека. Это чрезвычайно любопытно. Камень стал женой человека, его нашедшего, он стал человеком, но тем не менее он все-таки камень, его

внешние свойства остаются.

Итак, предметы и животные, будучи уже людьми, все же сохраняют свои первоначальные свойства.

Так как мы говорили про амулеты, то надо сказать, что есть амулеты не только человекообразной формы, но и животного, так сказать, происхождения. Амулеты животного происхождения такие: горностаевая шкурка, голова крысы, гусиное перо и так далее. Обыкновенно человек носит все это в засушенном виде, в виде амулета, а когда нужно колдовать, делать магические действия, то амулет превращается в животное, а потом животное начинает принимать человекообразную основу. Таким образом, происходит довольно медленное превращение. Затем надо указать на басни. Басни изобилуют такими представлениями. Возьмем басни Крылова, Лафонтэна, там этот элемент сохраняется – животные, которые говорят по-человечески, но тем не менее сохраняют свои животные свойства. Например, лиса угощала журавля кашей, он клевал-клевал и никак не мог клевать эту кашу. Затем журавль, который вытащил у волка из глотки кость. Все это опять-таки животные, которые имеют разговор человеческий, но сохраняют все же свои первоначальные материальные свойства.

Точно такие же представления есть и о деревьях. Первобытный фольклор полон живыми деревьями. Тут уже, правда, труднее, потому что придать дереву человекообразную форму чрезвычайно трудно, очень уже дерево с корнями и

ветвями не похоже на человека с головой. Тем не менее есть целый ряд рассказов, где растения представляются как живые существа и как люди. Первая стадия – это деревья как живые существа. Есть рассказ о гонке деревьев. Это живые существа, но так как у них корни длинные, то они бегут и корнями задевают за землю. Дело здесь идет еще об их внешней материальной форме. Маленькие деревья представляются как живые существа без отношения к их форме. Если помните, у Жуковского есть типическое описание такого представления. Зернышко, которое дало росток и представляется как маленький ребенок. Можно привести цитаты из науки, современной ботаники, где когда растения разводят, то говорят о «школах» деревьев. Маленькие существа, которые вырастают, елки, производят впечатление, как будто дети, сидящие на парте. Термин «школа», который перешел в науку, является результатом первой антропоморфизации, первого уподобления людям.

Надо сказать, раз заговорили о поэзии, что в поэзии по отношению к растениям есть чрезвычайно рельефные формы олицетворения и первичной антропоморфизации.

Дальнейшее развитие олицетворения состоит в том, что в начале антропоморфизация, а потом непременно расчленение, т. е. деление на внешнюю и внутреннюю формы, которые есть у предмета, эти две формы начинают вступать между собой в какое-то соотношение. Сначала колеблются – то одна, то другая, а затем одна становится внутренней фор-

мой, а другая внешней. Это уже есть начало одухотворения. Причем все-таки до сих пор духовного элемента никакого нет, духов мы не видим. Здесь не об этом речь, здесь просто две материальные формы сходятся, одна внешняя, а другая – внутренняя. Одна форма становится жилищем, а другая становится обитателем. Это есть начало одухотворения, очень длинный и вполне материальный процесс. Мы, таким образом, совершенно естественно, путем такого анализа, когда дойдем до духов, то будем подчеркивать их материальную форму и их нематериальные свойства. Мы будем следить, как они рождаются чрезвычайно материально и точно так же колеблясь. Это очень длинная дорога – от материальной формы к духу и материальной сущности, чем от олицетворения и антропоморфизации к этим внешней и внутренней формам.

Пока мы должны указать пример на внешнюю и внутреннюю формы. Так как первобытному человеку каждый предмет представляется живым, а постольку, поскольку живым, то вполне подобным либо животному, либо, еще лучше, человеку, так как человек склонен весь мир уподоблять себе, но так как по внешней форме эти предметы отличаются, то человек представляет себе внутреннюю форму предмета в виде маленького человека, в нем живущего. Этим объясняется, почему все представления о духах в маленькой форме – потому, что они должны жить внутри предмета. Это чрезвычайно ярко выражено в эскимосском термине: «енук инуа» –

«его человек». Это значит, что каждый внешний предмет: камень или дерево, река или гора, или утварь домашняя: горшок, веник и прочее, вплоть до зверей, все это имеет в себе какого-нибудь маленького человека, живущего внутри, и этот предмет, живущий внутри, и есть настоящая олицетворенная форма.

Такое же самое название имеем у римлян – «гений», причем «гениус лоци» – это гений места. Гений – это такой дух, который живет внутри предмета, правда, не столько внутри предмета, сколько внутри больших явлений природы. У человека к предметам большим – к рекам, горам, лесам – было точно такое же отношение, такой же подход, что внутри предмета живет маленький человек, человекообразное существо, которое связано с предметом, как со своим жилищем.

Я начну свой анализ с этого самого маленького существа, человекообразного существа, которое живет внутри предмета, и потом уже перейду к тем существам, которые живут внутри больших предметов стихийного типа. Между прочим, на этой стадии мы видим, что каждый предмет домашнего обихода: лампа, веник, метла, бочка, они содержат в себе такой живущий в них дух. Причем этот дух может изображаться двояко: или в виде маленького духа, который вскакивает и выскакивает, или в другой форме по принципу перевоплощения, потому что старый принцип тоже не исчезает. Прежде всего, приведу ряд загадок. Загадки – это есть оста-

ток древнейшего фольклора, который включает в себя даже в современности не только подход одухотворения, анимизма, но и подход олицетворения. Например, «крутится, вертится, в угол становится» – веник. Это подход олицетворения. Также в легендах мы встречаем такое представление. Вот, например, сказание о колдуне и об его ученике. Колдун произносит слово, и действие этого слова такое, что веник, метла, стоящая в углу, превращается в живое существо, вырастают плечи, голова, руки, берет ведра и идет по воду. Приносит воду, выливает в ушат, раз, другой и затем становится опять в угол. Ученик подслушивает это слово и в отсутствие колдуна произносит его. Метла действительно оживает, приобретает руки, идет по воду, раз, другой, третий, четвертый, бочка уже полная, и надо теперь обратно расколдовать, но он забыл слово. Начинается потоп, он вне себя выскакивает на улицу, кличет колдуна, тот произносит слово, и метла становится в угол. Это такая же магическая сторона, как и в шаманстве. Я только хочу этим подчеркнуть, что обыкновенные домашние вещи, такие как веник, могут оживать и становиться живыми существами. У чукок и гиляков я встречал такие же рассказы, когда домашние предметы оживали, причем они нисколько не придавали им человекообразной формы. Это очень рельефно, у них ночной горшок оживает, но все-таки сохраняет свою внешнюю природу горшка, а здесь метла оживает и приобретает человекообразную форму.

Между прочим, в «Синей птице» Метерлинка появляются

душа хлеба, душа сахара и душа воды. Так как Метерлинк, очевидно, в анимизме не вполне разбирался, то у него все это получило форму одухотворенную. Но надо сказать, что все же воображение победило, и то, что показывается в драме, — это одно, а что написано — это другое. То, что показывается, — это соответствует олицетворению. Так, душа хлеба появляется в виде толстой булки, и, когда дети просят хлеба, она отрезает у себя из-под живота и дает им. Душа сахара появляется в виде длинного пальца, сделанного из леденца, и, когда дети просят сахару, она отламывает им палец. Этот подход не анимистический, потому что у духов вообще нет пальцев из леденца. Эта двоякая вещь показывает, что, с одной стороны, это мышление имеет характер первоначально-го антропоморфизма, а с другой стороны, для детей даже духи сохраняют материальное существо.

В дальнейшем развитии эта же самая человекообразная форма связывается с более крупными существами. Прежде всего она связывается с животными и потом связывается с растениями. Я уже приводил вам примеры того, что животное — это есть животное, хотя и говорит человеческим голосом, но все же сохраняет свою животную форму. Я могу привести рядом с этим ряд других рассказов, где уже животное не есть животное, а есть человек, который носит на себе животную шкуру и для которого эта шкура, кожа является маской. Например, о том, как человек ловит ворона и притворяется мертвым. Ворон приходит расклевать мертвое те-

ло, тогда человек схватил его за лапу и за нос, которым он хотел клевать, то оказалось, что это не лапа, а рука и нож, и ворон предстал перед ним как человек. Между ними происходит борьба, и ворон обещает дать нож на выкуп и в конце концов ворон уходит в человеческом виде без ножа. Это представление о животном, которое является как бы вроде человеческой маски, оно чрезвычайно широко распространено по миру. Например, медведь, который является человеческим предком и тотемом, представляется как человек, одетый в медвежью шкуру. Есть бесчисленные варианты этого всемирного обряда. Убитого медведя подносят к огню, свежую его, снимают шкуру и говорят: вот ты снял свою медвежью шкуру, погрейся у огня. Решительно у всех туземцев, у русских, да и у всех народов мы видим представление, что медведь становится человеком, если с него снять медвежью шкуру, так он похож на человека. Любопытно, и я это подчеркиваю, что самое лучшее описание праздника медведя у гиляков сделано Львом Яковлевичем [Штернбергом] в его работе, и в ней видно, что, очевидно, это всемирное уподобление медведя человеку произвело на его поэтическое воображение некоторое влияние. Я приводил вам примеры поэтов, а теперь привожу пример этнографа, да такого еще крепко подкованного, как Лев Яковлевич. Он описывает там, как медведь лежит под огнем в позе отдыха, тело его покрыто жиром, лапы похожи на человечесьи ноги, и удивительно вся поза напоминает отдыхающего человека. Что лапы медведя

действительно похожи на человека, это всякий знает, кто видел след медведя в поле. А жир и кожа тоже похожи, тело медведя такое же белое, как у человека, и это есть то сходство, за которое хватается воображение первобытного человека. Это чрезвычайно интересно, и это показывает, что Лев Яковлевич был глубоким этнографом, он действовал выражениями не только своей психики, но и воспринимал представления туземцев.

Я говорил о живых существах, о животных масках и между прочим также указываю, что из этого вышел театр, из этого вышли все первобытные актеры. Первобытный охотник всегда играет животного, своего тотема, и обряды также существуют, когда переодеваются в шкуру тотема и становятся животным, и отсюда и обратный ход: раз он животное, то может опять стать человеком. У многих народов при этом надевают медвежью шкуру и в таком виде пляшут.

Дальше мы видим, что греческий театр, который происхождением своим, очевидно, связан с неолитом, произошел из плясок козла, вышел из праздника в честь Диониса, который был праздником коллективным, праздником вина в Греции. Я уже указал на любопытный комплекс праздников коллективных. Надевали козы шкуры, изображали различных коз, сюда же вводили половой момент, общение между людьми и козами.

Человек, который надевает кожу и становится животным, это сохраняется вплоть до современного колдовства, и мы

имеем множество русских рассказов с различными вариантами в этом отношении. Человек, который хотел колдовать, надевал медвежью шкуру, перепрыгивал через камень и становился медведем и приобретал все медвежьи свойства. Затем обратно перепрыгивал через камень и становился человеком. Кончилось тем, что однажды он перепрыгнул и стал медведем, а обратно уже не мог, и так ходил 9 лет медведем, пока какой-то колдун его не расколдовал и не снял кожу. Другой рассказ, что колдун надел шкуру мехом наружу, и шкура приросла, и он стал зверем.

Я раньше говорил, что человек становится волком или леопардом без шкуры, а когда уже есть шкура, то это дальнейшая стадия, хотя различия нет очень большого. Но не в этом дело, потому что религиозные идеи развиваются чрезвычайно медленно, и эта стадия есть один из элементов их развития.

Точно так же, такой же подход у человека к деревьям. У нас есть множество представлений о деревьях. Греческие дриады в дубе. По-гречески дриада – это женщина, живущая в дубе. И так как дуб неподвижен, то и она должна быть неподвижной, она может показаться из дупла, но ходить между людьми она не может, и это показывает, что это есть живое существо, живущее в дереве и связанное с ним непременно. Точно так же русское представление о вилах и русалках. Русские русалки, или вилы, живущие в воде, равнозначны греческим нимфам. Есть также русалки, или вилы, живущие

в деревьях. Помните: «Русалка на суку сидит»³⁹. Любопытно, что и у Пушкина было такое же представление о дриаде, что отходить от дерева она не может, ибо это ее дом, и она связана с этим домом так же, как слизняк, улитка, связана со своей раковиной и не может ходить или должна ходить рядом с ней. Такие же точно есть духи, живущие в воде, у греков имеем нимф, у русских – русалок и вил, живущих в воде. Каждая русалка, или вила, или мужской дух воды связаны со своей собственной рекой или ручейком. В этом отношении есть множество чрезвычайно любопытных примеров, которые показывают, как внешняя форма и внутреннее содержание существа еще тесно связаны. Например, когда Ахилл в Троянской войне оскорбил ручей Скамандр, то живущий там речной дух бросился и погнался за ним. Ахилл убегал, Скамандр бежал, и вода за ним. Обыкновенно эти духи показываются из воды по пояс, но не вылезают совсем. Мы видим, что вода и живущий в ней дух могут ходить и бежать на огромное пространство, но все-таки дух с водой неразрывно связан.

Таким образом, мы переходим к духам, живущим внутри больших стихийных вещей: духи деревьев и затем нимфы – духи источников, духи рек. От этих духов есть дальнейший шаг, который идет по пути укрупнения и который должен сочетаться, во-первых, с представлением о живых существах

³⁹ Имеется в виду фраза А. С. Пушкина из поэмы «Руслан и Людмила»: «Русалка на ветвях сидит» (примеч. сост.).

и, во-вторых, с представлением о духах. Эти духи – водяные и лешие. Это уже духи коллективные. Леший – не только дух, живущий в дереве, но дух, живущий в лесах. Это не есть хозяин всех лесов, но каждого данного леса, и в этом лесу он владеет деревьями и живущей там дичью. В другом лесу живет свой собственный хозяин, который там владеет деревьями и собственной дичью. По представлениям русских и туземцев, лешие играют друг с другом в карты и ставят на карту принадлежащую им дичь, и когда один проигрывает, то дичь уходит из его леса и переходит к другому. Таким образом, вы видите, что русский леший – это не есть вообще дух леса, а только данного определенного леса. Точно так же и водяной – это дух данного озера, реки, в которой живет. На греческих изображениях мы видим духов воды изображенными по пояс в воде. Точно так же и у славян, и у финнов водяной дед делается только по пояс, рука, голова и борода, а остальное все в воде.

Таким образом произошли духи лесов, воды и гор. При чем надо сказать, что для охотничьего человека главный интерес представляет его добыча: звери и рыба, и по этому пути происходит укрупнение. Леший, дух леса, владеет дичью, так же и главное, важное для человека животное естественно превращается в старшину животных. Таким образом, есть целый ряд образов самых крупных медведей и других, которые являются лешими, лесными духами. Точно так же и водяной дух. Леший изображается так, что он ходит с дуби-

ной в виде огромного дерева, а другое изображение, что леший – это огромное дерево в виде всякой сосны, и сосну, вырванную с корнем, он имеет как палицу. Первое изображение идет по линии зверей, а второе – по линии деревьев. Водяной дух изображается в виде большой рыбы у русских. У финнов есть представление о водяном, который живет под мельницей. Мы имеем целый ряд рассказов о леших, водяных и всяких других духах, и они всегда сохраняют свое материальное существо. Я приведу целый ряд примеров, которые относятся к русскому и туземному фольклору. Я говорил уже, как проигрывают лешие в карты друг другу и как уходит пушной зверь, так что то, что пропадает белка или лисица, приписывают тому, что леший проиграл лисицу в карты. Эта миграция зверей, к которой до сих пор никто не нашел никакого ключа, под это объяснение подходит.

Причем леших есть два: крупный и мелкий. Крупный – это тот, который ходит с дубиной, другой образ – это медведь, и третий образ – это маленький лесной дух, который идет по пути маленьких существ – духов величиной с палец. Он ходит между трав, он ездит верхом на лосях и оленях. Этот образ существует, с одной стороны, у чукчей и эскимосов, а с другой стороны, в Южной Америке у индейцев. Чукчи говорят так, что если у оленя взлохмачена шерсть, то это значит, что маленький лесной дух ездил на нем. Они называют этого духа «едушим на мыши» и представляют, что мышь – это маленький оленчик.

Так что эти образы идут, с одной стороны, по пути укрупнения, коллективизации образов, а с другой стороны, по пути уменьшения образов, и, таким образом, появляется внутренний образ для какой-то внешней оболочки.

То, что я говорил о леших и водяных, относится точно так же к домовым, но это духи гораздо более поздней стадии, связанные уже с жилищем и с оседлым бытом. Между прочим, для домовых и у русских, и у финнов, и у других народов есть два образа. Домовой живет дома, на полатах, за печкой, он такого же роста как обыкновенный человек. Но есть еще «суседко» – маленький дух, который живет за печкой, он величиной с ноготок, ему шьют маленькую рубашку и пищу приносят маленькую. Этот дух тоже ездит на домашних лошадях. Если у лошади шерсть всклокочена, то значит это, что домовый ее погонял.

Этот переход чрезвычайно древний от духов леса, которые возникли таким путем, который я описал, к духам дома, непременно связанными с лошадьми. Это очень странный факт, почему эти духи домовые, которых видим в связи с оседлым бытом, почему они связаны с лошадьми? Очевидно, потому, что это есть остаток скотоводства, которое является более древним.

Для того чтобы сравнить взаимоотношения духов водяных и горных, приведу несколько примеров из северного русского фольклора. Там лешие и водяные находятся между собой в непрерывной войне, в той войне, которую подчерки-

вает Некрасов. Так, лешие, когда у них нет шкуры для сапог, то они не берут ее из лесу, шкуру лесную или медведя – она слишком тонка, а они ходят очень быстро, а они идут к реке или озеру и там на берегу начинают караулить водяного, когда тот выходит из воды, они снимают с него кожу, а она у него белая и толстая, и шьют из этой кожи сапоги-скороходы из такой кожи. Там рассказывают, между прочим, что лешие и водяные – это такая вещь, на которую может охотиться человек, обыкновенный охотник или, во всяком случае, шаман. Он может подойти, сказать слово, наговорить стрелу и убить лешего или водяного, снять кожу и из этой кожи сделать точно так же такие же сапоги. Некоторые говорят, что они эти сапоги видели. Один русский удалый охотник при мне обещал, что он достанет сапоги, сделанные из этой кожи лешего. К сожалению, я этого не дождался. Но из этого вы видите, до чего доходит представление о реальности водяного. С другой стороны, вода мешает лешим, и когда леший переходит через реку на весеннюю работу (а им надо переходить из леса в лес), то водяной высовывается из воды, высовывает руку и хватает лешего за ноги и тащит его в воду. На реке Колыме есть такой рассказ, что шел леший через воду, и рядом с ним шла лешачиха и провалилась в воду, водяной ухватил ее за ноги и стал сдирать кожу. Она закричала диким голосом и прибежали со всех лесов товарищи лешего, захватили лешачиху за длинные волосы и стали тянуть, пока не разорвали пополам – одним голова досталась, а другим –

тело. Они не знали, что делать с головой, и положили ее на берегу. Утес, который находится в 45 верстах от Колымы, так и называется «Лешачихина голова».

Наши рассказы про водяных и леших такие, что они как бы спорят между собой. Все рассказы почти одинаковы, начиная от Амура и кончая Волгой, все они сплетены с более поздним элементом, с чертами христианскими. Это духи сирийские, которые пришли к нам из Сирии через христианство. Дальше я постараюсь это расплести и выделить элемент христианский, элемент анимистический и элемент специально русский. Трудно сказать, который элемент финский и который русский, но я склонен считать, что в представлении о леших, водяных и домовых лешие крупные, большие – это духи русские, точно так же и домовые, которые в виде человека, а лешие маленькие, величиной с горшок, и суседко, величиной с палец, живущий за печкой, – эти духи финские. Может быть, мне как-нибудь придется привести те аргументы, которые я имею в пользу этого разделения.

Таким образом, мы перешли от духа вещей к духу места. Дух предмета с этим предметом вообще более или менее связан и в дальнейшем шаге он превращается в духа места. Каждая данная область, гора, провал, они имеют своего собственного духа, и тогда это есть дух-хозяин. Пока еще нет духов. Еще рано говорить о них. Правда, что мы уже почти пришли к духам, мы уже имеем хозяев, владельцев данной местности, которые являются человекообразными, которые уже

приобрели форму. Я считаю, что духом предмет становится только тогда, когда он отделяется от своей внешней оболочки, а пока он еще живет в дереве, живет в котле, живет в доме, в лесу, в воде и имеет при этом совершенно материальное существо, до тех пор я считаю, что он находится на переходной стадии от олицетворения, через антропоморфизацию к одухотворению, он еще пока связан, а когда он отделяется от своей внешней оболочки и получает свободу движения, тогда он становится духом. В дальнейшем анализе, когда я буду говорить о духах, вы увидите, что дух прежде всего, хотя он и существо материальное и подобное человеку, но он отличается от человека двумя основными свойствами: во-первых, он невидим, он может показываться и исчезать, и, во-вторых, он имеет свободу движения гораздо большую, чем человек. Он может ходить по земле, может летать по воздуху и может нырять в землю, может совершать все три движения. Это свойство духов мы встречаем почти у всех народов. Дух ныряет в землю, выныривает снаружи с воздуха на землю и летает в воздухе, затем ныряет опять в землю и опять в воздух и одновременно проявляет эти три формы движения. Человеческое воображение, главная сила религиозная, как будто отрывает этого духа от его материальной оболочки и придает ему окружное движение, все движения, существующие в мире. Таким образом, мы будем считать, что тогда, когда олицетворенное существо отделяется от внешней оболочки и приобретает окончательно свои свойства зримости

и незримости по своей доброй воле, и приобретает тройное движение, тогда этот образ становится духом. Это есть уже определенно начало анимизма.

Все эти существа, живущие в предметах, все это, конечно, подход к анимизму. Здесь мы вовсе не должны стремиться устанавливать грань, потому что развитие религиозных идей тем и занимательно и интересно, что мы должны устанавливать переход, это гораздо важнее, чем устанавливать грань определенную. На деле все образы незаметно сливаются и переходят один в другой, а грань есть создание нашей мысли.

Таким образом, мы имеем представление о духах-хозяевах, и эти духи-хозяева имеют различные формы. Например, самая обыкновенная форма, связанная со всеми первобытными народами, в том числе и у русских, — это та, что у каждого места есть свой хозяин. Между прочим, эти духи-хозяева по линии их развития не суть злые духи, потому что они начались из простого расчленения предмета. Но они человеку чужды, и человек хочет их умиловить и приносит им жертвы, правда не большие, но эти жертвы располагают духов к благосклонности. Духам-хозяевам решительно везде приносят жертвы, но не большие. Например, на горном перевале у Верхоринского хребта стоит обыкновенное дерево, и когда люди подходят к нему, то этому дереву приносят жертвы — дают тряпочку, бусинку какую-нибудь. Вы видите, что дерево есть олицетворение местности, и довольно маленькую тряпочку привесить, чтобы оно относилось благосклон-

но. В этом отношении любопытен рассказ из моей жизни. Ехал я однажды на Севере с казаком, моим спутником. Товары все у меня были, а у него было 5 бутылок спирту. Это дорогой товар, который нужно скрывать, на него все можно выменять. Он дорóгой понемногу выпивал и доливал водой. Кончилось тем, что получилась одна последняя бутылка довольно жидкой водки. Мы приехали в новую местность на привал и там легли спать. Просыпаемся, смотрю, на нем лица нет. Он подходит ко мне и рассказывает, что ночью явился к нему хозяин перевала и потребовал у него водку, стал говорить: ты друг, ты приехал в гости, дай мне. А духу нужно дать немного, три капли каких-нибудь, наперсток поднести, и довольно. Но он ничего не дал. Поехали дальше. По дороге случилось несчастье, собака распрягается. Это значит – дух начинает мстить. Потом опять ночевали. Утром смотрю, на нем лица нет. Молча запрягает собаку и едет обратно. Мне пришлось ждать. Приехал обратно пьяный. Оказалось, что ночью опять явился к нему дух, и он поехал назад угостить духа, но так как он был человек боевой, то, вместо того чтобы дать духу наперсток водки, они пополам распили бутылку.

Следовательно, мы имеем тут такой подход, что духи требуют подарки и за это обещают охотнику удачу. Поэтому охотник всегда, перед тем как идти на охоту, приносит духу какую-нибудь жертву, и дух обеспечивает ему благосклонность.

Между прочим, эти духи, с одной стороны, не укрупняются, а с другой стороны, имеют этнографическое разделение – они превращаются в племена. Об этом превращении духов в племена я буду говорить потом. Таким образом, происходит представление о племенах и народах духов – хозяев мест, которые живут точно так же, как люди. Средневековое представление, почти всемирное, об эльфах и гномах. Эльфы – это многомиллионный народ, духи-хозяева. В отличие от злых духов, они совсем не злые и людям не враждебные, но и не дружественные, они проказливые, любят пошалить, заснет кто-либо в поле, они могут сыграть какую-нибудь шутку. Но их легко обратить в свою пользу, достаточно им принести маленькую жертву, чтобы получить от них содействие. Эльфы точно так же, как и духи водяные, не любят железа. Если в воду опустить железный топор, то водяной это не любит, точно так же и эльфы боятся железа. Если на дороге перед эльфами положить железный топор, то все эльфы остановятся и не пойдут дальше.

Гномы – это другое представление, которое возникло по пути диалектического перевоплощения. Об этом я буду говорить после более подробно.

Таким образом, мы прошли сквозь всех этих духов. Между прочим, когда эльфы дают золото, то когда его приносит человек домой, то оно превращается в тряпки, в щепки. Помните, чукотский шаман приносит в жертву тряпочки, кочки, а они потом превращаются в мясо, а здесь имеем

наоборот – превращение золота в тряпки. Такое представление встречаем у Гоголя в его «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Это тот же самый древний путь, который начался от чукотского шамана.

Дальнейшая стадия – это духи злые, духи-убийцы, которых человек боится. Эти духи требуют жертв тяжелых. Здесь мы имели духов-хозяев по линии, человеку не враждебной, которым достаточно принести в жертву кусочек, наперсток мяса, а здесь уже будут духи враждебные, которые требуют больших жертв, убийства детей, требуют, чтобы убивали скот, давай им лучшего оленя, давай то, что называется приросшим к сердцу, то, что самое дорогое, то и должен отдать этим настоящим враждебным духам, которые возникли другим путем. Этим я сегодня закончу.

Лекция пятая. 17/XI 1927 г.

Мы рассмотрели предварительную эволюцию от оживотворения через олицетворение и выделение из предмета и из больших стихийных явлений природы, выделение его внутреннего двойника, который, постепенно развиваясь, перешел сначала в материальное бытие и затем постепенно перешел в бытие духовное и стал как бы более или менее соответствующим тому, что мы считаем духом, и потому я считаю, что мы вошли в преддверие анимизма путем естественного развития человеческих представлений о жизни, начиная с общего признания мира, вселенной, общего комплекса и кончая духами.

Теперь цитата: «Дикарь обычно объясняет явления неодушевленной природы действием живых существ, проявляющих себя внутри этих явлений или за ними... точно так же он объясняет и явления самой жизни. Если животное живет и движется, то происходит это только потому, как думает дикарь, что внутри его живет и движется другое маленькое животное, если живет и движется человек, то это происходит только потому, что в нем действует маленький человек или маленькое животное. Это животное в животном, этот человек в человеке и есть душа» (Д. Фрэзер «Золотая ветвь», вып. II: Табу, запреты. – Страница 21).

Я предлагаю вам эту теорию анимизма так, потому что она

не соединяется ни с какими добавочными элементами. Если вы поведете теорию анимизма и представлений человека о душе, то как бы ни было важно представление человека о душе, во всяком случае оно для теории анимизма не может явиться главным элементом, потому что эта теория развивается естественным, органическим путем. Поэтому я и построил теорию анимизма в естественном развитии и постепенном, сначала материальное, потом раздвоение этого материального образа, одухотворение этого материального образа, который содержится во внешнем, и я полагаю, что это целно, потому что я не прибавлял, не вводил никаких добавочных элементов.

Теперь мне предстоит ввести два добавочных элемента: один добавочный элемент – это человеческая душа, потому что все-таки человеческая душа имеет огромное значение в теории анимизма и во всем происхождении анимизма, ибо сами слова «душа», «дух» – *ánima*, *ánimus* – это слова французские, латинские-романские, и они показывают, что, действительно, душа, дух должны лежать в основе анализа анимизма. Причем я вам указываю так, что, значит, у нас есть два латинских термина: *ánima* – «душа», и *ánimus* – «дух», и оба эти термина надо различать и вдвинуть сейчас в теорию анимизма. Я дошел только до дверей анимизма, но для теории анимизма есть три подхода. Первый – олицетворение или одухотворение, это есть подход объекта, развитие объекта, которое в нашем анализе должно быть важнее, чем раз-

витие субъекта. Вопрос о человеческой душе – это вопрос о развитии субъекта. Вы помните, я указывал, как субъект и объект разделяются, и сейчас совершенно естественным порядком надо перейти к вопросу о развитии субъекта. Потом есть еще третий анализ – это вопрос о развитии духа в мире, потому что *animus* (но я до него еще не дошел) – дух, обитающий в мире, тоже имеет свое естественное развитие.

Я мог бы отложить вопрос о душе и продолжать тот анализ, который сделал, – и в самом деле, человеческий анализ о душе может быть такой: представление сначала материальное, потом постепенно одухотворенное, потом кроме того, сначала вполне реальное, потом стилизованное; значит, мы перейдем от души материальной к душе более стилизованной, потом имя, тень, двойник и так далее – это один порядок. Другой порядок – что рядом с духом, который я выводил из предмета, есть и другие представления о духах – это представления о духах опасности. Я уже говорил о том, насколько религией управляет страх, как религия развивается в темноте и как эта угроза мрака, темноты развивает представление о злых образах. До сих пор я говорил о безличных образах, а теперь придется перейти к категории гораздо более важных образов – к образам, которые представляют сущность анимизма. Я хочу, чтобы вы поняли различие между образами «хозяев», о которых я говорил раньше, что есть хозяин предмета, внутренний двойник, и как этот могущественный маленький человек сидит в двойнике предме-

та, например дух горы, дух леса, домовые, русалки, и т. д., и между этими духами, о которых я собираюсь говорить.

Возьмем вопрос о жертвоприношениях, о том, что человек кому дает, то я подчеркиваю, что всем предыдущим образом, начиная от духа дома, горы, реки и кончая эльфами или гномами и всякими другими хозяевами мест, человек приносит в жертву только маленькие вещи, например кусочек земли, щепотку табаку, лоскуток мяса или вплоть до такого шаманского колдовства чукотского, где шаман у чукчей приносит два маленьких кусочка нитки, и это заменяет ремни. Если возьмем злых духов, то здесь как раз наоборот, духам злым и всему тому, что от них проистекает, духам, которые вгоняют в опасность, которые нападают во тьме, как злые звери, которые приносят болезни, им человек приносил и даже порой до настоящего времени приносит жертвы в высшей степени тяжелые, лучшее, что у него есть. Я приведу несколько примеров, так как я хочу это рельефнее показать.

У чукчей, у эскимосов и у других народностей Севера духу болезни, духу смерти, духу мрака (это все одна и та же категория), духу вечера человек приносит то, что ближе всего лежит к его сердцу: пару лучших оленей, которых сам воспитал; если это собаки, то передовую собаку из своей упряжки. Этим же духам приносят, начиная от чукчей и кончая решительно всеми народами, человеческие жертвы, и это естественно: с одной стороны, человеческое мясо, и кровь человеческая, и дух, в этом сидящий, – это есть лучшее уго-

щение для людей, так как человеческое мясо воспринимается как высшая категория, во-первых, потому что оно вкуснее, а во-вторых, потому что близко к самому человеку, и это важно, все равно как у охотников львиное или тигриное мясо считается чем-то чрезвычайно особенным, которое придает мощь и храбрость, и поэтому китайские и индийские охотники съедают львиное сердце, и оно продается и ценится очень дорого. Поэтому ценятся и человеческие жертвы, это, во-первых, еда себя самого, «едим нас», а во-вторых, потому что это самое дорогое, потому что приносят в жертву или детей своих, или родителей.

Например, у чукчей такой порядок, что если человек хочет умереть, то он произносит формулу: я хочу умереть, и духи слышат это, следовательно, он обрек себя на жертву духам, и взять назад это слово невозможно, и если дети не исполнят это и не убьют его или если он как-нибудь захочет уклониться потом, то дух придет и накажет всю семью и возьмет гораздо больше жертв, чем нужно. Теперь, от анализа маленького я прямо перехожу к вопросу о жертвоприношениях. Возьмите Библию, там человек приносит в жертву своего старшего сына, лучшее, что у него есть, и приносит его богу, это, конечно, то же самое, подход анимистический, и богу злему, так как вообще Иегова, или Ягве, был богом злым. Возьмем русскую сказку, тоже известную, что человек скитается, имеет много несчастий, попадает в опасность, и его выручает из беды какой-то из духов – дух леса, дух го-

ры, дух реки, дух озера и т. д., и он обещает этому духу дать все, что тот попросит, и дух просит у него в награду, чтобы тот дал ему то, что ему самое дорогое и чего он не ценит, и тут варианты колеблются, иногда говорится: дать то, что он дома не знает, и оказывается, что это будет для него самое дорогое, ибо он дома не был и не знал, что у него родился ребенок, и таким образом, ему приходится принести в жертву этому духу самое дорогое ему. Это уже есть стилизация, такое описание, потому что обставлено сказочным мотивом: что самое дорогое, и ты не знаешь сам, это все равно как загадка Эдипа. Вот вы видите, что есть резкое различие в жертвоприношениях между теми духами, о которых я до сих пор говорил, и теми, которые собираюсь анализировать, и нам предстоят два подхода: один подход – о душе, а другой – о злых духах, и на этом я сегодня закончу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.